

18+

АНГЕЛИНА
И ВЕРОНИКА
ШЭН

1

ГВИХОЛЬ

КРАСНЫЕ ЧЕРНИЛА СМЕРТИ

ГВИХОЛЬ

Ангелина Шэн

**Гвихоль. Том 1. Красные
чернила смерти**

«O2»

2026

Шэн А.

Гвихоль. Том 1. Красные чернила смерти / А. Шэн — «О2»,
2026 — (Гвихоль)

ISBN 978-5-353-12031-5

Безобидная оккультная игра старшеклассников по призыву мстительного духа оборачивается кошмаром: на следующий день их обидчиков находят мертвыми. И это только начало... Тем временем жизнь юной Йерим летит под откос: очнувшись после похищения, она обнаруживает себя в параллельном Сеуле – в мире призраков, где нет теней, а на небе сияют две луны. Его обитатели – души, застрявшие между мирами. Пока молодая шаманка Намгун Бёль расследует цепь загадочных самоубийств в мире живых, Йерим должна научиться выживать в мире мертвых и найти связь между ее похищением и духом, вызванным школьниками.

ISBN 978-5-353-12031-5

© Шэн А., 2026

© О2, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава 1	14
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	37
Глава 5	50
Глава 6	59
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ангелина и Вероника Шэн Гвихоль. Красные чернила смерти. Том 1

#####

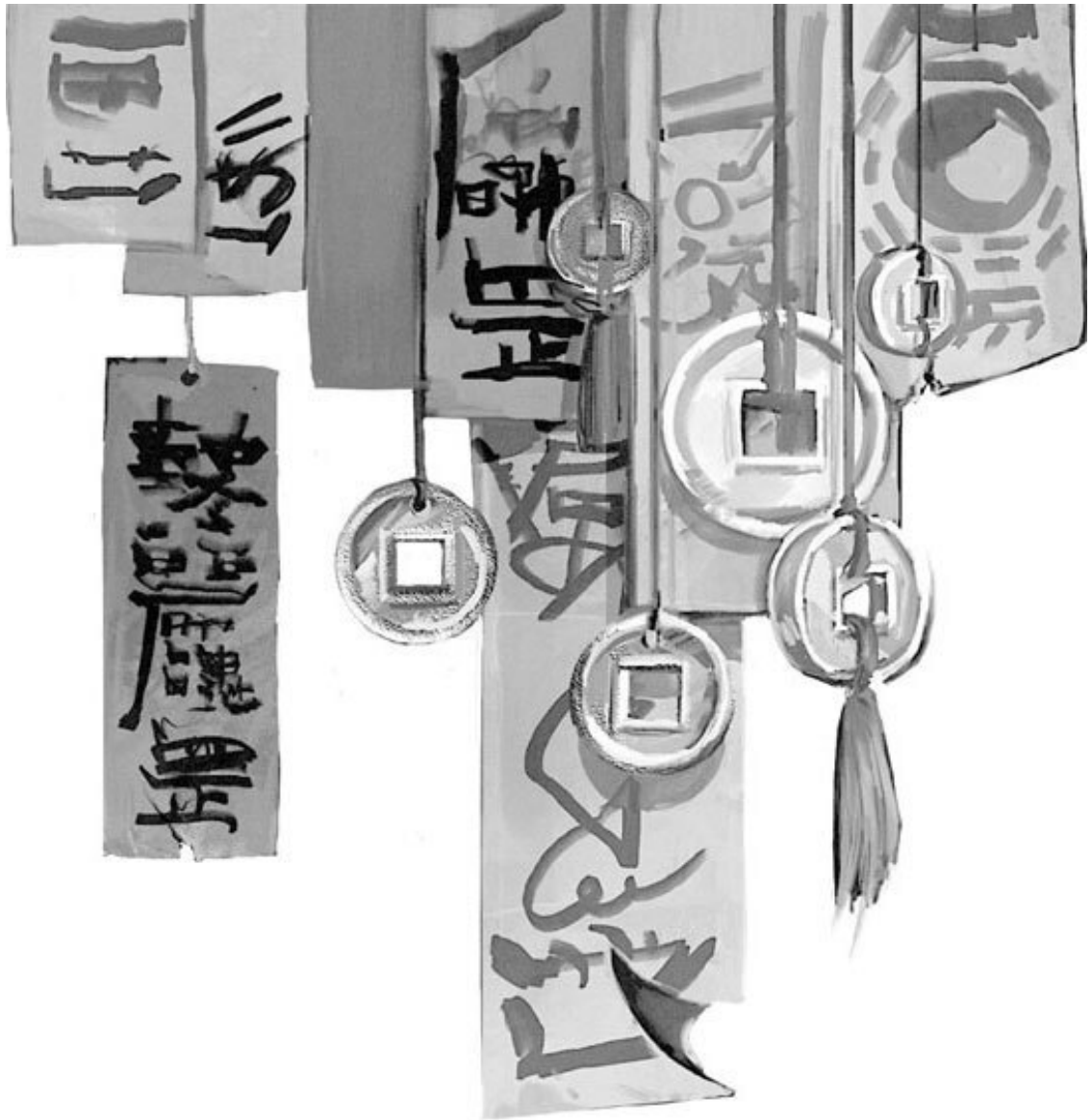
*Если уйдете сейчас – когда вернетесь? Назовите
же день возвращения.*

*Придете ли, когда пропоет на ширме
петух?*

*Придете ли, когда глубокие воды Ханган сменяются
белым песком?*

*Придете ли, когда вершина Пэктусан сровняется с
землей?..*

Корейская погребальная песня

Данное издание является художественным произведением и не пропагандирует совершение противоправных и антиобщественных действий, курение, употребление алкогольных напитков. Употребление алкоголя и курение вредит вашему здоровью. Описания и/или изображения противоправных и антиобщественных действий обусловлены жанром и/или сюжетом, художественным, образным и творческим замыслом и не являются призывом к действию.

© Ангелина и Вероника Шэн, текст, 2026

© ООО «РОСМЭН», 2026

Пролог Буншинсаба Дохён, Ёнсик, Мин

Темноту в комнате разгонял слабый свет стоящей в углу лампы. Три парня семнадцати лет, одетые в школьную форму, сидели вокруг невысокого стола, нервно переглядываясь и тяжело дыша от волнения, предвкушения и страха. От страха перед тем, что у них ничего не получится, и одновременно перед тем, что все пройдет успешно.

На столе был разложен лист белой бумаги, на котором один из парней уже написал красной ручкой все буквы хангыля¹, слова «да», «нет» и цифры от нуля до девяти. Тишину нарушали лишь дыхание старшеклассников и приглушенное тиканье часов в соседней комнате. Далекие звуки ночного города долетали из-за окон, плотно занавешенных шторами, и в этом темном душном месте казались почти искусственными.

– Давайте начинать, – прошептал Ёнсик, нервно поправив очки.

Дохён и Мин что-то согласно пробормотали, и тогда он положил на центр листа монету в пятьдесят вон² и прижал к ней указательный палец. Его друзья повторили за ним, и теперь они втроем придерживали эту монету.

– Обращаемся к духу, который может нас услышать. Дух, пожалуйста, приди. Дух, приди. Дух, приди, – прошептал Ёнсик.

От собственного голоса и сказанных слов у него по коже пробежала дрожь. Ему даже почудилось, что воздух стал холоднее, а тени – глубже и чернее, но, моргнув, он избавился от наваждения и отругал сам себя. Вокруг ничего не происходило, и друзья неуверенно переглянулись, а затем Ёнсик вновь заговорил, чувствуя, как от нервозности плохо слушается язык:

– Если ты здесь, скажи «да»!

Вместо уверенного требования вышло что-то больше похожее на смущенную просьбу, и он кашлянул, прочищая горло.

Внезапно монета поехала по бумаге, и все трое почувствовали, как что-то неведомое тащит ее, вместе с ними прижимает к столу и двигает вверх их пальцев. Несколько мгновений, и монета остановилась на выведенном красным слове... «да».

¹ Хангыль (##) – корейское фонематическое письмо. – *Здесь и далее пер. с кор.*

² Южнокорейская вона (##) – официальная валюта Республики Корея. В конце 2025 г. 50 вон равнялось приблизительно 3 рублям.

Всех троих будто ударило током, дрожь пробежала по рукам, и старшекласники испуганно переглянулись. На мгновение им захотелось отказаться от этой затеи, прекратить игру, поспешно уйти и забыть, что они делали...

- Дохён, это ты? – сердито спросил Ёнсик. – Это не смешно!
- Почему вдруг я?! Это дух... Или ты с Мином!
- Это не я! – испуганно покачал головой Мин. – Точно не вы?

Его друзья отрицательно покачали головами. У всех промелькнула мысль, одновременно и волнительно радостная, и до смерти пугающая: неужели здесь кто-то есть? Неужели у них... получилось? Неужели дух поможет им?

- Давайте дальше, – шепнул Дохён. – Так... что... Что спрашивать? – замялся он.
- Ёнсик раздраженно вздохнул и закатил глаза, но продолжил говорить сам:
- Добро пожаловать, дух! Как тебя зовут?

Мгновение ничего не происходило, но вот монета вновь двинулась по исписанному красными чернилами листу бумаги. Старшекласники замерли, в ужасе смотря на монету, которую сами же и прижимали к листу, а затем Дохён возмущенно воскликнул:

- Мин, записывай!

Мин, свободной рукой держащий ручку над блокнотом, тут же начал записывать буквы, на которые перемещалась монета. Спустя несколько секунд та остановилась, и Дохён с Ёнником выжидательно уставились на друга.

- «Кан Ынби», – прочитал Мин. Его голос задрожал. – Так, это точно не вы шутите?
- Нет, – хором ответили они.
- Тогда... Нужно спросить... Нужно объяснить нашу просьбу, – вздохнул Мин.

Они помедлили. Им еще не верилось, что они сумели призвать духа, не верилось, что подобная затея может завершиться успешно. Более того, все трое подозревали друг друга в розыгрыше... И все-таки они уже пошли на это. Еще пару недель назад Дохён рассказал друзьям об игре под названием буншинсаба и предложил сыграть, чтобы наконец вздохнуть полной грудью, чтобы прекратить бояться и ненавидеть каждый новый день. Когда отчаешься, начнешь искать любой, даже самый глупый или ненадежный способ...

А потому они продолжили. Даже если очень сомневались – надежда у них все еще была. Все еще оставалась капелька веры в океане скептицизма, но и такой капли сейчас было достаточно.

– Приветствуем тебя, госпожа Кан Ынби, – вежливо отозвался Дохён, уже чуть громче. Он решил не шептать так испуганно, а показать пришедшей душе, что они трое уверены и настроены серьезно. – Мы можем обратиться к тебе с просьбой?

Трое друзей напряглись, ожидая, станет ли монета двигаться на этот раз? И на что укажет: «да» или «нет»? Она ведь спасет их, эта Кан Ынби?... Правда сможет?

Монета не двигалась.

- Что такое? – растерялся Мин.
- Может, спросить по-другому? – предложил Ёнсик. – Вдруг ты непонятно задал вопрос?
- А что непонятного? – огрызнулся Дохён.

Внезапно тишину нарушил резкий звук, и Мин вскрикнул. Дохён отшатнулся, так что чуть не отпустил монету, из-за чего на его лбу выступил пот, а Ённику показалось, что сердце едва не остановилось.

Включился телевизор, стоявший на тумбе в паре метров от троих друзей. Они мгновенно обернулись к нему, пытаясь выровнять дыхание и успокоить сердцебиение.

- Айщ!³ – воскликнул Ёнсик. – Я едва не умер от страха.

³ Айщ (###) – смягченный вариант нецензурного ругательства в корейском языке; может выражать различные эмоции по типу раздражения, разочарования, сожаления или удивления.

– Как он включился? – пробормотал Мин, оглядываясь в поисках пульта, и увидел тот на краю дивана.

По экрану телевизора бежала рябь, так что с трудом можно было разобрать картинку, а звук был дребезжащим, то звонким, то глухим, с режущими слух помехами.

– Выключи его! – попросил Дохён, у которого тут же разболелась голова.

– Я не дотянусь, – отозвался Ёнсик.

– Только не отпускай монету! – воскликнул Мин. – Это запрещено!

– И что, нам продолжать под эти звуки? – поморщился Дохён.

Внезапно картинка на экране стала обычной, четкой, демонстрируя кадры из рекламы, затем канал резко переключился на другой, где играла дорама, а после и на третий. Звук выровнялся, а каналы стали переключаться еще быстрее, и тогда все трое услышали:

«Что»

«Вы хотите»

«Чтобы я»

«Сделала»

«Для вас»

Разные голоса, женские, мужские и детские, разные интонации и громкость смешались в одно предложение, и получилась фраза, услышав которую друзья вновь почувствовали обжигающий холод страха и ударившее в голову потрясение.

– Вы слышали? – хрипло прошептал Мин.

Остальные едва разобрали его вопрос в звуках помех: телевизор вновь стал барахлить, так что нельзя было ничего разобрать.

– У нас есть враги, – проигнорировав Мина, ответил Дохён. – Ты можешь сделать так, чтобы они больше не доставали нас? Чтобы больше не трогали и не издевались?

Монета вновь поехала по листу, прошла по нескольким красным буквам и вернулась к ответу «да». Каналы вновь стали переключаться с сумасшедшей скоростью, а голоса случайных ведущих и актеров сложились в просьбу... Или приказ.

«Назовите»

«Мне»

«Их имена»

– Говори, – шепнул Дохён, толкнув Ёнсика локтем.

Сам он выдохся и был почти уверен, что больше не сможет выдать из себя ни слова, а если что-то и скажет, то невнятно – настолько сильно он дрожал.

Побледневший Ёнсик выглядел так, словно его сейчас стошнит. Он недовольно покопился на друга, но, на мгновение сцепив зубы, назвал имена четверых хулиганов, издевающихся над ними в школе. Произнося эти имена, он скривился и почувствовал куда большую уверенность: ненависть и презрение придали ему сил и отогнали страх. Имя лидера этой компании – Нам Хэсу – Ёнсик произнес с особой злостью и вновь ощутил страх, никак не связанный с потусторонними силами. Это был страх перед человеком из плоти и крови, которого Ёнсик видел почти каждый день и которого мечтал больше никогда не встретить.

Стоило ему замолчать, как телевизор выключился, лампа, мигнув, погасла и комната утонула в кромешной темноте. Трое друзей съежились, ожидая, что вот сейчас перед ними появится призрак Кан Ынби. Каждый представлял ее по-разному, но все видели ее как нечто жуткое, пугающее, мрачное...

Никто так и не появился. Прошло пять минут. Десять. Двадцать. Друзья не шевелились, лишь Дохён мысленно отметил, что в глухой тишине он не слышит теперь не то что звука машин или голосов прохожих, а даже стука часов.

– Всё? – шепнул Мин. – Закончилось?

Он ощутил... разочарование.

Никто не ответил, потому что никому не хотелось признавать, что ничего не вышло и дух так и не ответил согласием. И все трое подумали: а вдруг кто-то из них все же решил подшутить над остальными или, наоборот, из лучших побуждений поддержать затею, а потому сам передвигал монету? Телевизор... Может, это была запись, может, Ёнсик, в чьей квартире они и собрались, заранее все подготовил? А лампа... Кто, находясь в здравом уме, подумает, что лампочка перегорела из-за призрака?

Неуверенно подождав еще пару минут, огорченные друзья встали из-за стола, неловко попрощались друг с другом и привычно договорились встретиться завтра перед школой. Ёнсик, у кого дома они и призывали призрака, пока его мама была на ночной смене, мрачно посмотрел на лист и монету, поморщился и со злости пнул стол. Лист слетел на пол, монета закатилась под диван, но Ёнсик, не обратив на это внимания, ушел в свою спальню.

На следующий день трое друзей в настроении даже более мрачном, чем обычно, встретились у школы. Они не стали упоминать прошедшую ночь и неудавшуюся попытку разобраться с неприятелями, лишь угрюмо поплелись в класс.

Когда друзья подошли к нужному кабинету, у него уже собрались другие ученики: они весело переговаривались друг с другом, с волнением обсуждая предстоящий тест по математике и грядущие соревнования по плаванию. Дохён обвел взглядом коридор, неуверенно вошел в класс, чувствуя, как натягиваются нервы, но не увидел никого из тех парней, чьи имена вчера назвал, отвечая на вопрос духа, Ёнсик... Точнее, надеясь, что отвечает на ее вопрос.

Решив, что хулиганы прогуливают, Дохён и его друзья выдохнули и попытались сосредоточиться на занятиях, хотя мысли о прошедшей ночи назойливо преследовали их. В ушах раздавалось смешение голосов из телевизора, а перед глазами стояли расписанный лист бумаги и монета, скользящая от буквы к букве.

Отвлечшись от объяснений учителя, Дохён задумчиво посмотрел в окно и внезапно увидел смазанное полупрозрачное отражение девушки с длинными распущенными волосами и черными глазами.

От неожиданности Дохён чуть не упал со стула. Кинув смущенные взгляды по сторонам, он сел ровно и уткнулся в тетрадь, слыша с разных сторон сдавленные смешки других учеников. Спустя пару минут, набравшись смелости, он вновь посмотрел в окно... Но ничего не увидел.

Следующим занятием была физкультура. Когда оно подошло к концу, Ёнсик и Мин отправились в библиотеку, а Дохён одним из первых подошел к кабинету, чтобы подготовиться к уроку математики...

Сначала он ощутил терпкий запах цитруса, а затем, подняв голову, увидел в кабинете тех самых четверых хулиганов. Нам Хэсу сел за парту Дохёна, двое других заняли места Ёнсика и Мина, а четвертый – соседний стол.

Дохён замер в дверях, не решаясь зайти в кабинет. Он почувствовал, как желудок свело, а во рту пересохло, но быстро осознал, что эта жалиющая нервозность не связана со встречей с ненавистными ему хулиганами... Нет, дело было в другом: Дохён кожей чувствовал, что что-то не так. Что-то неправильно. Странно.

– Чего застыл? – раздался за спиной недовольный голос одной из одноклассниц – Хо Чанми.

Дохён очнулся и шагнул в кабинет, но не пошел дальше, а замер сбоку от двери. Следом за ним в кабинет зашла Хо Чанми и прошла к своему месту, которое и занял четвертый из хулиганов.

– Эй, Пан Гону, ты... – начала было она, но прервалась.

Хо Чанми сделала шаг ближе к Пан Гону и толкнула его в плечо. Тот пошатнулся и безвольно повалился на пол.

Хо Чанми закричала, а Дохён отшатнулся, врезавшись спиной в стену. Он ошеломленно уставился на посиневшее лицо Пан Гону, на его широко распахнутые, остекленевшие глаза и запекшуюся под носом кровь. Ворот рубашки не мог скрыть яркую бордовую полосу на его горле.

Хо Чанми закрыла лицо руками и отбежала к Дохёну, а на ее крик тем временем примчались другие ученики и учитель.

- Что происходит? – строго спросил тот.
- Пан Гону... – слабо протянула Хо Чанми.
- Не только он, – пробормотал Дохён.

Он уже отвел взгляд от первого трупа и внимательнее всмотрелся в других хулиганов. Все они не шевелились. Они не дышали. Их лица частично скрывались ракурсом или растрепанными волосами, но Дохён сумел разглядеть синеватый оттенок кожи.

И почему-то он не сомневался, что на горле остальных тоже можно будет найти следы... от веревки? Нет, на веревку не похоже...

Тряхнув головой и игнорируя громкие переговоры и испуганные вскрики учеников, а также нервные требования учителя успокоиться и покинуть кабинет, Дохён быстрым шагом подошел к ближайшей парте и посмотрел на лидера этой компании – Нам Хэсу.

Синяя кожа, стеклянные глаза, искривленный рот и бордовая полоса на горле.

Он мертв. Задохнулся. Точнее, был задушен. И хоть его глаза стали пустыми, безжизненными, Дохён разглядел в них ужас – словно два озера, в которых вместо воды плескался чистый страх. Настолько глубокий, что в нем можно было утонуть.

Дохёна охватило головокружение, в глазах потемнело. Через пару мгновений он ощутил, как кто-то оттаскивает его в сторону, и не стал сопротивляться. Не мог. Не хотел.

Он был потерян. Не знал, что думать. Точнее, не знал, о чем думать в первую очередь. Не знал, что чувствовать.

Не было ни радости, ни облегчения, ни грусти, ни жалости. Только... страх. Он приближался медленно, как хищник, не желающий спугнуть жертву. Скорее даже понимающий, что нет смысла торопиться: жертва никуда не убежит.

И все-таки Дохён подумал, что страх не сможет заполнить всю пустоту внутри него. Скоро нахлынут и другие чувства. Почему-то он не сомневался, что первым придет злорадство.

* * *

Уроки отменили, и друзья поспешили домой к Ёнсику. В другой день они бы приступили к подготовке к экзаменам, но сейчас им было не до того. Совершенно не до того. Они молчали, не смея заговаривать о произошедшем. К тому же никто из них не знал, что сказать, лишь надеялся, что разговор начнет кто-то другой.

Почти забежав в квартиру, они закрыли за собой дверь и переглянулись. Тишина давила со всех сторон, и друзьям захотелось нарушить ее, развеять, включить музыку или фильм, но, с другой стороны, это казалось таким неестественным, таким...

Опасным.

- Нужно поговорить, – первым подал голос Ёнстик.

Он кивнул друзьям, приглашая пройти в гостиную, и все трое, разувшись, сделали несколько шагов вперед... А затем увидели ее.

Мин с криком отшатнулся, столкнувшись с Дохёном, а Ёнстик едва устоял на ослабевших ногах.

В прихожей висело зеркало, и в нем помимо побледневших лиц трех старшеклассников отражалось не менее бледное лицо девушки с длинными черными волосами. На ее горле они сразу же заметили бордовую полосу как от удущья.

В отражении она стояла прямо между ними.

Девушка улыбалась, и от этой улыбки по коже тысячей насекомых пробежали мурашки, а волосы на затылке зашевелились. Ее лицо могло бы показаться красивым, с аккуратными чертами и большими глазами, вот только радужка была такой черной, что сливалась со зрачком, кожа – неестественно бледной, словно раскрашенная белой краской, а улыбка – до жути злой, скорее даже злорадной.

– Вы это видите?! – закричал Ёнсик, оглядываясь.

Мин отшатнулся и уперся рукой в стену: казалось, он вот-вот потеряет сознание. Дохён попятился к двери, и тогда Ёнсик, не раздумывая, схватил с пола ботинок и кинул в зеркало. Послышался звон, и по зеркалу побежали трещины.

– Что ты делаешь? – воскликнул Мин.

– А что еще делать?!

– Проклятье! – Дохён в ужасе указал на черный экран телевизора. Теперь уже в нем отражалась все та же, пусть и менее четкая фигура девушки.

В воздухе разлился горько-сладкий цитрусовый запах, а в ушах раздался хитрый, отдающий сумасшествием смех, и тогда Ёнсик внезапно захрипел. Дохён и Мин перевели на него полные недоумения взгляды и увидели, как Ёнсик скребет ногтями по горлу, будто пытается схватиться за что-то, его стягивающее, и стремительно синее. Его глаза налились кровью, а черты лица искривились от боли и ужаса.

– Ёнсик!

Они кинулись к нему, но внезапно Мин тоже захрипел и упал на колени, хватаясь за горло.

– Нет... Не хочу... – просипел он.

Дохён отшатнулся, прижавшись спиной к стене, и обессиленно сполз на пол. Он безотрывно смотрел на задыхающихся друзей и видел, как на их шеях появляется краснеющий след.

В ушах продолжал звенеть веселый смех, резкий запах цитруса пропитал все вокруг, вызывая тошноту, а на стенах вдруг появилась плесень, зелено-черными пятнами разрастаясь от пола к потолку.

Ёнсик, а следом и Мин замерли на полу. Тишина заволокла квартиру, заткнула Дохёну уши. Он закрыл глаза, тяжело дыша, вновь открыл их, но трупы его друзей никуда не делись.

Этого не может быть. Не может быть. Не может...

Из груди Дохёна вырвались рыдания, он начал задыхаться, но его душил не призрак, его душили горечь, ужас и отчаяние.

«Хочешь жить?»

Дохён едва не подскочил, услышав в голове вкрадчивый голос. Мелодичный и чистый, он внушил ему такой ужас, как если бы рядом с ним зарычал дикий зверь.

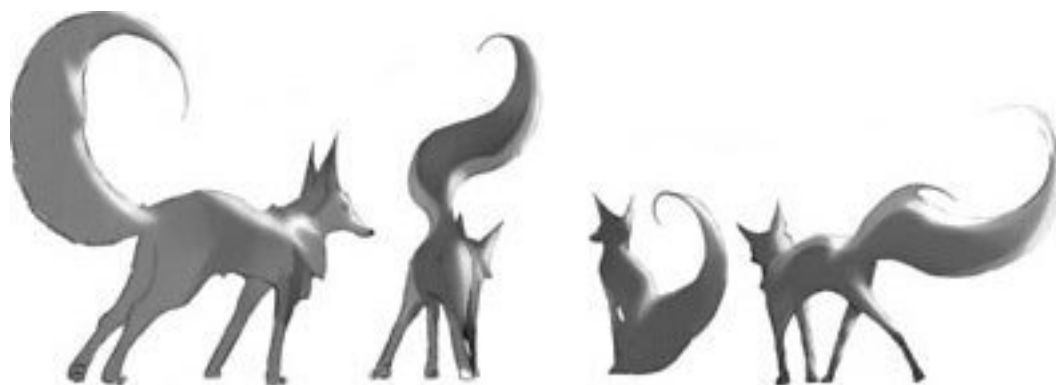
Внезапно Дохён почувствовал, как его руки против воли поднялись, как пальцы легли ему же на горло и крепко сжали, пока еще не перекрывая дыхание.

«Или хочешь умереть?»

– Я не хочу умирать, – выдавил он.

Голос в голове приглушенно рассмеялся. Дохён почувствовал, что его руки больше ничто не держит, и резко опустил их, спрятал за спиной, сцепив пальцы, словно это могло помочь. Затем он пересилил себя и поднял взгляд, пытаясь все же не смотреть на мертвых друзей, и тогда увидел темные очертания девушки в застекленной дверце шкафа напротив. Дохён не мог разглядеть ее в деталях, как в зеркале, но был уверен, что девушка улыбается. И стоит прямо над ним.

«Я оставляю тебя в живых, – сказала она. – Но при одном условии».

Глава 1

Я стану следующей

Хван Йерим

Ритмичные звуки барабана, подхватываемые ветром, штормовыми волнами разливались по воздуху и, сплетаясь с монотонной песней, затопляли голову, не оставляя места ни для одной мысли, размывая их, пока те полностью не теряли четкость. А потому не получалось разобрать даже слов: последние силы уходили на то, чтобы не потерять связь с реальностью, отчего-то до дрожжи тонкую и хрупкую.

Бой барабана становился все быстрее, слова срывались с губ незнакомки все стремительнее, ее движения, сопровождаемые вспышками белого, синего и красного, казались все резче. Все чаще начинало биться сердце, вместе с кровью разгоняя по телу панику.

Вдруг все в одно мгновение стихло, а глаза затянуло мраком. Лишь тонкие серебристые нити лунного света, натянутые от щелей в деревянных стенах до земляного пола, слабо разгоняли тени. Настолько слабо, что сперва возможно было разобрать лишь общие очертания предметов: разного размера ящики, бесформенные мешки... Вдруг что-то на полу едва заметно зашевелилось. Ужас смазал все перед глазами, превращая странное непонятное помещение в сплошное черно-серое пятно. Хотелось сбежать, но нити лунного света будто пришили меня к полу, не давая шевельнуться, не давая отвести взгляд.

Движение повторилось, и бледным разводом по грязно-серому полотну мелькнула чья-то рука. Покрытая царапинами и землей, очень тонкая, как у ребенка, но слишком уж длинная.

Кто-то лежал на полу.

Зловещая картина вдруг приблизилась почти к самым моим глазам, и я увидела тощую фигуру, сжавшуюся на полу, обессиленную. Несмотря на пугающую худобу, было ясно, что это мужчина, но спутанные грязные волосы спадали на лицо и не давали понять его возраст.

Тишина была оглушающей. Казалось, раскидистые деревья снаружи, каждый их лист замерли, ветер стих, и даже звуки шагов приближающихся людей тонули в этом безмолвии.

Неподвижность серо-черной картинки нарушила пробежавшая по полу, совсем близко к лицу незнакомца, крупная сороконожка.

А вот сам незнакомец словно бы даже не дышал, и лишь то, что пару мгновений назад он слабо, как в последний раз, приподнял руку, не давало подумать, что он давно мертв. Хотя, возможно, сейчас он уже на самом деле умер...

Вдруг с губ незнакомца сорвался короткий выдох, а затем хриплые, едва слышные слова. Он прервался, будто истратил последние капли сил, что у него еще оставались, и все же вновь

заговорил. Но теперь в его несвязном шепоте, даже таком неразборчиво тихом, можно было ощутить злость.

Нет, не злость. Это была *ненависть*.

Казалось, только она, куда более темная, чем тени вокруг, удерживала незнакомца в живых.

Ненависть к тем, кто приближается?..

Перед глазами все смешалось. Грязно-серое полотно ночного мрака разорвалось, и сквозь дыры запестрело смешение желтого и зеленого, красного и синего. Тишину вновь прогнали раскатистые звуки барабана и дрожащее эхо гонга, далекие, но зловещие, угрожающие.

И все же меня почему-то тянуло к ним.

Голые ветви деревьев, пожухлая листва: перед глазами мелькали, будто я кружила в танце, обрывки осеннего леса, но был тот не празднично золотым, не солнечно-рыжим. Он умирал: тусклые оттенки листьев напоминали пятна ржавчины и засохшей крови.

Между разрозненными образами леса мелькал узкий темный переулок. Два фонаря, горящие друг от друга на таком отдалении, что около десятка метров приходится плыть в темноте. Черные глазницы окон, слепо наблюдающие за происходящим у стены одного из облезлых домов.

Картинка стала четче, мельтешение образов прервалось, лес исчез, и я увидела силуэт невысокой хрупкой девушки. Длинные волнистые волосы спадали на острые плечи. А на земле у ее ног растянулась другая фигура. Судорожно дергаясь, мужчина потянулся к девушке, но безвольно уронил руку и замер.

Несколько мгновений тишины, несколько секунд неподвижности... и девушка резко обернулась.

С ее бледного лица вместо глаз на меня уставились две черные дыры.

И снова раздался бой барабанов, заставив сердце забиться как сумасшедшее, словно в попытке сбежать.

Я посмотрела ей в глаза. И теперь...

Назойливое жужжание оборвало мысль, и та, как плохо скрученная нить, начала распадаться, пока окончательно не рассыпалась, испортив заодно и незавершенный узор череды образов. Весьма хаотичный и кривой.

Жужжание повторилось и вдруг затихло.

Но я уже проснулась.

Открыв глаза и выпрямившись так быстро, что зрение на миг вновь меня подвело, я поняла, что задремала прямо на рабочем месте, за кассой в магазине.

Хотя... «задремала», пожалуй, не самое подходящее слово. Иначе я не увидела бы такие яркие сны. Даже кошмары.

Снова.

Они слишком часто пробирались в мою голову, так что я, и без того не имея достаточно времени на сон, все никак не могла нормально выспаться.

Раздраженно поморщившись и подавив зевок, я вспомнила, что именно меня разбудило. К счастью, не какой-нибудь покупатель. Взяв телефон, я увидела два пропущенных от Юны и решила перезвонить подруге. Та ответила почти сразу.

– Привет! – услышала я ее звонкий голос. Слишком бодрый для такого позднего вечера...

Хотя, пожалуй, это просто я вымоталась.

– Привет... – выдохнула я, вновь подавив желание зевнуть. – Что-то случилось?

– Почему сразу случилось? Я тебе позвонить не могу? – Я почти увидела, как Юна привычно закатила глаза. – Просто решила узнать, как там у тебя дела. Если, конечно, ты сейчас не занята. Не было времени зайти к тебе эти дни, – с сожалением добавила она.

Я обвела взглядом пустой магазин. Компанию мне сейчас составляли лишь сладости, упаковки раёна⁴ и холодные напитки. Я уже прибралась и пополнила полки и холодильники, так что пока мои обязанности сводились к обслуживанию покупателей. А тех сейчас не было.

– Не занята. У меня все как обычно. Работа, дом, работа. И подготовка к экзаменам в промежутках. – Мой взгляд упал на лежащие за кассой учебники. – К счастью, послезавтра выходной. Как ты? Как успехи?

– Завтра иду на прослушивание. Последнее я не прошла, но на этот раз чувствую, что у меня все получится!

В голосе Юны было столько уверенности, что я невольно улыбнулась. Если она на самом деле не сомневается в своих силах, ей это только поможет. Если же ее уверенность притворная, значит, она прекрасно играет, и тогда у нее точно есть все шансы стать актрисой.

Хотя я и так знала, что Юна действительно хороша. Ее актерские способности даже выручали нас пару раз...

– Я в тебе не сомневаюсь. И буду поддерживать тебя на пути к славе... но если снимешься в какой-нибудь слезливой драме, прости, смотреть не стану.

– Даже ради меня?

– Даже ради тебя.

– Я-то думала, мы подруги... а ты ради меня не готова даже на такую мелочь, – разочарованно протянула Юна. – Хорошо, я поняла. Перезвоню на днях.

На пару мгновений в телефоне не раздавалось ни звука.

– Убедительно, – признала я.

– Честно? – уже совершенно привычным своим тоном уточнила Юна. – Не перестаралась?

– Нет, не переживай. И все-таки, надеюсь, ты снимешься не в мелодраме, – с легкой насмешкой добавила я, заправив за ухо ярко-розовую прядь.

– Ага, так на прослушивании и заявлю... Ты скоро заканчиваешь?

Глянув на экран телефона, я вновь заговорила:

– Еще минут двадцать. Скоро должен прийти Кван Тхэиль.

«И пусть только попробует вновь опоздать», – мысленно добавила я.

Еще около пяти минут мы с Юной поболтали ни о чем, договорившись послезавтра встретиться у меня. Закончив разговор, я убедилась, что в магазине порядок, и проверила кассу. Вскоре пришел Кван Тхэиль, и, перебросившись с ним парой фраз, я наконец отправилась домой.

Часы на телефоне показывали начало двенадцатого, и небо стало уже совсем черным. Надев наушники, я выбрала один из нескольких своих плейлистов. У меня они разнились по настроению и целям: когда хотелось взбодриться и почувствовать себя увереннее, когда хотелось отдохнуть и успокоиться, когда хотелось пострадать... Сейчас явно был не последний случай, а потому я включила веселый и энергичный плейлист.

«*Anti-ti-ti-ti fragile, fragile, Anti-ti-ti-ti fragile*»⁵, – услышала я и чуть бодрее направилась вниз по улице. От магазина до дома было около пятнадцати минут ходьбы.

Вечер выдался на удивление холодным. Коварный ветер забавлялся с моими подстриженными до подбородка волосами и все норовил доказать, что моя ветровка, предназначенная как раз для защиты от него, почти бесполезна. Я поглубже спрятала руки в карманы и, ускорила шаг, свернула в переулок. Стены домов здесь были кирпичными, рядом с ними валялись

⁴ Раён (##) – популярное корейское блюдо; сваренная в пряном бульоне пшеничная лапша, которая подается с различными топпингами, такими как вареное яйцо, овощи, водоросли, мясо. Может быть свежим или быстрого приготовления.

⁵ Строчка из песни Antifragile k-поп группы LE SSERAFIM.

пустые картонные коробки, стоял чей-то старенький скутер, а над головой паутиной тянулись провода.

Пара фонарей не горела, а потому было так темно, что неприятное чувство смутной тревоги поднималось к горлу даже у того, кто ходил этой дорогой каждый вечер. То есть у меня.

Но я продолжила идти, только сняла один из наушников, оставив тот висеть без дела, и из него на улицу приглушенно полились слова «*I'm so bad, bad, чхарари игиджогиллэ*»...⁶

До моего слуха донесся шорох шин, и спустя несколько мгновений мимо медленно проехал черный автомобиль. Я кинула на него косой взгляд и, шагнув ближе к стене, вновь погрузилась в свои мысли. Автомобиль затормозил и остановился в паре метров передо мной. Я замерла, и огонек тревоги в груди с готовностью разросся до размеров костра. Пока еще не очень большого, но все же...

Я сделала шаг назад... и вдруг кто-то схватил меня со спины, зажав рот рукой. Я подавилась криком и отчаянно забилась в руках напавшего. Почти сумев вырваться, с силой ударила незнакомца локтем в живот и услышала его приглушенное злое ругательство. Я собиралась дать отпор – нападавший наверняка не знал, что его жертва с детства занималась боксом...

Я почти сумела развернуться для замаха, но вдруг меня ударили по голове. Перед глазами все поплыло, тени и слабые огни фонарей слились и смешались. Пошатнувшись, я едва не упала и вновь почувствовала чужую железную хватку.

А затем потеряла сознание.

* * *

Казалось, я плыву: меня качало, к горлу поднималась тошнота. В голове пульсировала боль, а руки и ноги затекли. Я попыталась открыть глаза, но не смогла и лишь тихо застонала. Я чувствовала, что лежу на чем-то жестком и холодном, чувствовала странное жжение на запястьях и то, насколько неудобна моя поза.

Собравшись с силами, я все-таки открыла глаза.

Вокруг было темно и сыро. Я лежала на голом каменном полу, а руки и ноги были крепко связаны веревкой. С трудом сумев выпрямиться и сесть, подтянув колени, я переждала вспышку боли в голове и новую волну тошноты. Сдув падающие на лицо черно-розовые пряди, я осмотрелась еще раз, но уже внимательнее.

Комната оказалась совсем маленькой, не больше десяти квадратных метров, и совершенно пустой, если не считать местами протекающих труб.

И еще одного человека.

В противоположном от меня углу сидела девушка, на вид моя ровесница. На ее глаза, искрящиеся от страха и боли, спадала редкая челка, волосы, заплетенные в короткую косу, растрепались, руки были покрыты ссадинами и царапинами, а ногти сломаны.

Девушка смотрела на меня одновременно испуганно и с надеждой. Словно она не знала, чего от меня ожидать, но при этом надеялась на помощь.

И то и другое было глупо. Я не смогу ни навредить ей, ни спасти ее. Как минимум потому, что связана по рукам и ногам.

А вот у незнакомки связаны оказались только запястья.

Я перевела взгляд на дверь с высоким порогом. Наверняка мы заперты. Охраняет ли нас кто-то?..

Я задумалась... Кто? Кто нас похитил? И... зачем?

Сердце забилось от ужаса, но кровь едва не закипела от злости. Нас явно похитили не ради выкупа – меня так точно – значит, это какой-то маньяк?

⁶ Строчка из песни Wannabe k-поп группы ITZY.

Я не собиралась просто так ждать своей участи, пусть пальцы и тряслись от страха, а потому еще раз внимательно осмотрелась. Ничего острого... Я все же отползла чуть вбок, ближе к той части стены, где труба крепилась к ней держателем, и начала тереть веревкой о его край. Вдруг поможет...

– Кто ты? Как давно тут очутилась? Знаешь, кто нас похитил? – ровным голосом спросила я, оглянувшись на незнакомку.

Я хотела показать, что не боюсь. Показать, что полна решимости. И себе, и ей. Хотя в действительности была напугана до смерти.

А еще я видела: хоть одна искра страха с моей стороны, и гремучая смесь чувств внутри этой девушки полыхнет. Она явно с трудом держала себя в руках. И если у нее начнется истерика... Я боялась, что тогда сорвусь сама.

– Я... я... – начала незнакомка осипшим голосом, таким, будто до этого много кричала. Скорее всего, так и было. – Меня зовут Ку Ара. Я... кажется, прошло немного больше суток. Но это с того момента, как я очнулась. Потому что за это время я уснула еще раз... Но я не имею ни малейшего понятия, где мы и почему... – На последних словах из ее глаз покатались слезы, и Ку Ара вытерла их тыльной стороной ладоней. Ее голос дрожал, едва выдерживая напор сдерживаемых рыданий. – У меня нет врагов. И денег. Значит, это какой-то психопат, и теперь нас убьют...

Она все-таки разрыдалась.

– Ку Ара, возьми себя в руки. – Я могла бы попробовать ее утешить... но в подобной ситуации никакие слова утешения не помогут. – Если хотим выжить, надо выбраться. А чтобы выбраться, надо действовать.

– Я пыталась развязать веревки. И дверь открыть – тоже. Потом стучала в нее, пока не свалилась без сил, – прошептала Ку Ара, посмотрев на свои разбитые кисти рук. – Пару раз я слышала чьи-то шаги за стеной и, кажется, голоса... Я кричала, звала на помощь. Но никто так и не пришел. Даже похититель.

Ку Ара кричала, но похититель даже не заглянул, чтобы заставить ее замолчать... Это плохо. Значит, он совсем не боится, что нас услышат.

Это *очень* плохо.

Как и то, что у меня совершенно не получалось перерезать веревку. Край держателя был недостаточно острым.

– Все равно нужно что-то придумать... – упрямо пробормотала я.

Но что?

Вдруг раздался звук шагов, и я настороженно замерла.

Как бы я ни пыталась убедить себя в обратном... меня охватил до тошноты сильный ужас.

Мы с Ку Арой резко повернулись к двери, и спустя три удара сердца послышался звук проворачиваемого в замке ключа. Еще пара мгновений, и дверь с тихим скрипом распахнулась.

Мы быстро переглянулись. Ку Ара побледнела еще сильнее, и я не смогла понять: она близка к тому, чтобы закричать или чтобы упасть в обморок.

Я вернула взгляд к двери и увидела мужчину в черной спортивной куртке и потертых джинсах, но не смогла разглядеть его лицо: оно было скрыто медицинской маской и тенью от козырька кепки.

Мужчина вошел в комнату и, помедлив несколько секунд, схватил Ку Ару за локти.

– Нет! – закричала та. – Отпусти меня!

Она попыталась вырваться, но была слишком слаба, к тому же связана. Мужчина без труда потащил ее за собой, не обращая внимания на хриплые крики.

– Отпусти ее, ты, псих! – велела я и, уперевшись руками в стену, попыталась встать.

Но мужчина, даже не оборачиваясь, резко толкнул меня, и, не удержавшись на связанных ногах, я со всего своего немаленького роста повалилась на каменный пол, жестко ударившись о него локтями.

– Айщ... – прошипела я, когда руки электрическим разрядом прошила боль, но страх за Ку Ару был сильнее, и я, перевернувшись, попыталась выпрямиться, чтобы вновь встать...

Но мужчина уже вытаскивал ее из комнаты.

– Нет! Отпусти ее!

– Не трогай меня! – в отчаянии выкрикнула Ку Ара, и дверь захлопнулась.

Еще несколько секунд, и все звуки – шаги и крики – стихли.

Я же, оцепенев, не отрывала взгляда от двери. Кажется, какое-то время я даже не дышала. Закашлявшись, я попыталась сделать глубокий вдох, но не смогла. Ужас сжал мое горло ледяными пальцами, словно с наслаждением медленно убивая раньше времени.

Ку Ара... только что она была здесь, а теперь... Как бы я ни гнала подобные мысли, они были слишком громкими. Я понимала, что, если она еще жива... это ненадолго. И скрыться от этого понимания было невозможно.

Как и от понимания того, что я стану следующей.

Меня мелко затрясло, и, подтянув колени к груди, я до боли сжала кулаки, до крови прикусила щеку, пытаюсь собраться. Но не могла. Меня, как два голодных жадных хищника, разрывали паника и отчаяние.

Я не знала, сколько времени прошло, но руки и ноги успели онеметь, а тело дрожало теперь не только от страха, но и от пропитавших его холода и сырости.

Жутким было чувство неизвестности. Я не имела ни малейшего представления, что меня ждет. Лишь понимала, что ничего хорошего, и воображение, отравленное страхом, рисовало картины одна страшнее другой.

К тому же к чувству неизвестности примешивалось чувство беспомощности. То, которое я ненавидела. Я всегда могла за себя постоять, всегда могла о себе позаботиться. Но теперь... Теперь я сидела и ничего не делала, смиренно дожидаясь своей участи, как трусливая слабая жертва.

Вот только выхода не было. От холода и веревок я уже едва могла пошевелиться.

В какой-то момент сознание начало уплывать от меня. Несмотря на боль и страх, я ощущала, что меня, словно жалея, вот-вот накроет и спрячет от реальности беспомысленность. Но понимала: терять сознание нельзя. *Нельзя*. Так я стану совершенно беспомощна и беззащитна. Так у меня не будет даже малейшего шанса оказать сопротивление, даже призрачного шанса спастись...

И все же я то ли уснула, то ли потеряла сознание. Я не лишилась чувств полностью, скорее оказалась в полубоморочном состоянии. Я смогла расслышать шаги и скрежет ключа, но не сумела понять, что они означают.

Кто-то грубо схватил меня, и это помогло прийти в себя. Я задергалась в чужих руках и собиралась использовать последние силы, чтобы вырвать шанс на выживание хоть ногтями, хоть зубами. И все же едва ли могла сопротивляться.

– Не смей трогать меня! Отпусти! – Голос был слишком слабым, хриплым, но переполненным гневом.

Хотя нет. Скорее злым отчаянием.

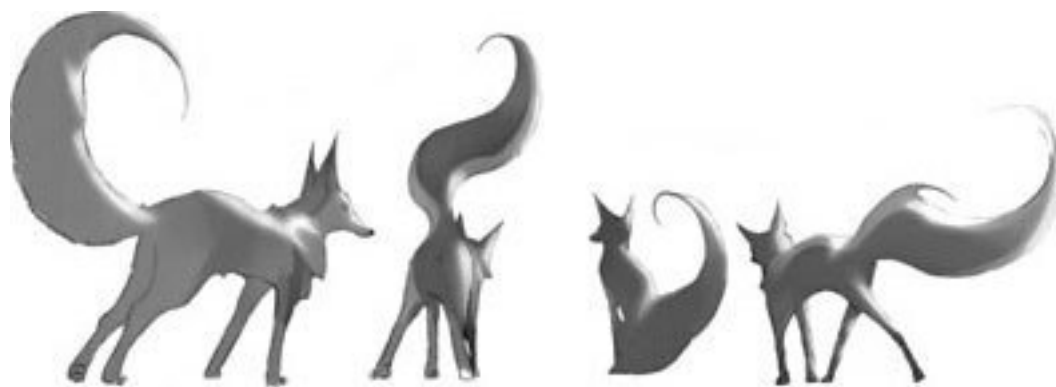
Я не хотела умирать.

Пришел тот же мужчина, который забрал Ку Ару. По крайней мере, одет он был так же, но лицо все еще оставалось скрытым. Зачем его прятать, если он хочет меня убить?

Я не успела развить эту мысль.

Я услышала раздраженный выдох, и мужчина ударил меня по шее.

Я мгновенно отключилась.

Глава 2

Она идет

Намгун Бёль

Припарковавшись у здания больницы, я еще несколько минут просидела в салоне, прикрыв глаза и стараясь настроиться. Я пыталась выстроить вокруг сердца каменные стены без единого зазора, стены, которые не позволят острым как ножи словам ранить меня и в то же время не дадут моим собственным чувствам прорваться наружу. Я медлила, нацепив на лицо маску холодного спокойствия, выжидая, пока эта маска не срастется с кожей. Ни одна моя черта не должна будет показать, о чем я на самом деле думаю, что чувствую.

Вот только как же это сложно... И далеко не всегда мне удавалось сохранить желанное хладнокровие. Делать вид, что мне не больно.

Тем более *она* и так знала, что у меня на душе. Прочитать мое сердце для нее проще, чем сделать что бы то ни было.

Вздохнув, я наконец вышла из машины и твердой походкой направилась в больницу. Привычный путь, который я мечтала бы никогда не проходить.

Медсестра, как обычно, проводила меня к палате. Сначала она рассказывала о *ее* самочувствии и поведении, а я кивала в ответ, стараясь не слушать, ведь не хотела слышать ничего из этого. Когда медсестра оставила попытки завести разговор, мы замолчали, и лишь стук моих каблучков о больничный пол не позволял нам утонуть в вязкой тишине. Мы вошли в нужное крыло и направилась вперед по коридору. Вдалеке раздался чей-то вскрик, нездоровый смех, а после коридор заполнил громкий голос разговаривающего, вероятно, с самим собой пациента.

Ожидая, пока медсестра откроет палату, я вновь велела себе собраться, еще сильнее расправила плечи, но все же не удержалась и нервно поправила свои и так аккуратно лежащие длинные волосы, одернула рукава голубого пиджака и отряхнула такого же цвета брюки.

– Она ведет себя спокойно, – ободряюще улыбнулась медсестра, вероятно, заметив мою нервозность. – Почти не разговаривает сама с собой, почти всегда отвечает на наши вопросы и больше не говорит чего-то... ну...

– Я поняла, – негромко перебила я. И хоть смягчила голос, улыбнуться в ответ у меня не вышло.

Медсестра открыла дверь и первой вошла в палату. Я последовала за ней в небольшую комнату с бледными стенами и маленьким укрепленным окном. Мой взгляд сразу же оказался прикован к женщине лет шестидесяти, высокой и худой, с нездорового оттенка кожей и седыми волосами, заплетенными в косу. Женщина сидела на кровати, пустым взглядом уставившись в стену напротив, и ее лицо ничего не выражало.

– Оставьте нас, пожалуйста, – попросила я.

Медсестра мгновение помедлила, но кивнула и ушла, прикрыв за собой дверь.

Я молчала, а женщина на кровати сидела не шевелясь, словно и не заметила меня. Она дышала медленно и редко, ее грудь вздымалась едва заметно – и могло показаться, что передо мной не живой человек, а статуя. Я всматривалась в ее безэмоциональное лицо, в ее пустые глаза, и внутри меня в очередной раз разверзлась пропасть. Дыра от оторванного куска души. Затягивающая все светлые чувства пустота.

Я смотрела на свою маму.

Внезапно тишину нарушил тихий хриплый смех, и от этого звука по коже пробежала мелкая дрожь. Я прищурилась, со злостью, нет, с ненавистью уставившись на Лим Суа, но постаралась вернуть контроль над чувствами, чтобы единственное, что эта тварь могла увидеть, были или мое холодное презрение, или же стальная уверенность.

Лим Суа повернула голову, и на ее лице отразилась широкая злорадная ухмылка, делающая его выражение почти пугающим. Пустота в мгновение исчезла из потускневших глаз, сменившись блеском ума и огнями хитрости и злобы.

– Дорогая Бёль, добро пожаловать, – усмехнулась Лим Суа. – Давненько ты не заходила... Мама очень по тебе скучала.

– Закрой рот, – холодно велела я. – И не смей упоминать мою маму.

Лим Суа расхохоталась и склонила голову к плечу, вглядываясь в меня острым взглядом.

– Будь благодарна за то, что твоя мать еще дышит, – бросила она, скривив губы.

Ее голос совершенно изменился: он больше не звучал как мягкий голос женщины шестидесяти лет, он стал холоднее и почти в два раза моложе. А еще – чужим, пусть и слишком знакомым. К сожалению, куда более знакомым, чем настоящий голос моей мамы.

Лим Суа резко схватила за горло обеими руками и снова ухмыльнулась:

– Я ведь могу и убить себя.

Ни одна черта моего лица не дрогнула, и я лишь с презрением хмыкнула:

– Убить себя? Не смей меня. Ты ни за что этого не сделаешь. Потому что не хочешь исчезнуть и стать ни на что не способной.

Я притворялась, ведь не была уверена, что Лим Суа не попробует сбежать *таким образом*. Я не хотела, чтобы эта тварь убила себя: не могла потерять маму вот так. Не могла позволить этому случиться, пока еще оставался шанс, пусть даже крошечный, ее спасти...

Хотя Мун Исыль, казалось, уже сдалась и просто хотела, чтобы Лим Суа убила это тело, чтобы оставила мою маму в покое... Но я еще не отчаялась. Точнее, не настолько. Я выгоню эту тварь.

– Я и так ни на что не способна. В этом теле, – прошипела Лим Суа, с отвращением оглядев себя и свою небольшую палату. – Из-за этой проклятой Ко Сунхи я оказалась заперта в жалком слабом теле, а из-за той немощной идиотки – еще и в этом месте!

Я вытащила из кармана пиджака мешочек с солью и кинула горсть в сторону Лим Суа. Та вскрикнула от боли, а ее кожа в нескольких местах задымилась.

– Я же тебе сказала: не смей упоминать мою маму. И не смей оскорблять Мун Исыль, – процедила я.

– Мерзкая тварь, – выплюнула Лим Суа, подсакивая на ноги.

Она двигалась совершенно не так, как могла бы двигаться шестидесятилетняя женщина столь болезненного вида.

Не успела я пошевелиться, как Лим Суа напрыгнула на меня, вцепилась в мое горло обеими руками и прижала меня к стене. Она была действительно сильна. Я ощутила нехватку воздуха, а перед глазами поплыли черные пятна. Мешочек с солью выпал из рук, которыми я рефлекторно вцепилась в запястья Лим Суа.

– Хочешь, чтобы я убила тебя, Бёль? – прошипела та. – Ты ничтожная, бесполезная, глупая шаманка. Ты ничего не можешь. Ни-че-го. Я занимаю тело твоей жалкой матери уже почти тридцать лет. *Тридцать лет*, Бёль. И что ты сделала, чтобы спасти свою мать? Чтобы прогнать меня? Совершенно ничего.

Продолжая сжимать мое горло, но чуть ослабив хватку, Лим Суа запрокинула голову и расхохоталась.

– Ты тоже... ничего не сделала, – задыхаясь, все же усмехнулась я. – Моя мама заперла тебя... в своем теле, и ты все еще... не сумела вырваться. Прошло почти тридцать лет... и каждый день каждого года... ты провела взаперти, в четырех стенах, лишённая большей части... своих грязных сил.

Лим Суа прекратила смеяться и впилась в меня яростным взглядом, полным едкой насмешки и неприкрытой ненависти.

– Глупая, глупая Бёль... – обманчиво мягко протянула она. Ее голос походил на сладкий яд. – Твой язык сгниет за все слова, которые ты мне сказала. А затем сгниет и тело твоей матери, как и ее душа, которую я выгнала, душа, которая потерялась много-много лет назад. – Поле этих слов голос Лим Суа вновь стал злым и резким: – Я выберусь отсюда, слышишь ты, жалкая *шаманка*, позорящая всех остальных тем, что называешь себя одной из нас! Я выберусь из этого тела и приду за тобой! Мы с тобой весело поиграем... Для начала ты посмотришь, как я развлекаюсь с бегающим за тобой щенком, тем маленьким медиумом... Я перережу ему горло и выпью его кровь.

Лим Суа держала меня, вцепившись в кожу ногтями, и уже не пыталась убить, но каждое ее слово, каждая угроза, которую она произносила губами моей мамы, лишали меня сил. Я хотела причинить ей боль, хотела ударить, обжечь талисманом... Но не решалась. Не решалась, видя лицо мамы. Надеюсь, что верну ей тело, надеюсь слишком сильно.

– А милая племянница того мертвого медиума, напарника твоей матери? Пэ Дживон, да? Не повезло глупышке, стала учиться у столь никчемной наставницы, – выплюнула Лим Суа. – Знаешь, что я сделаю с ней? Я вырежу этой девчонке язык, чтобы она никогда не смогла произнести ни единого заклинания. – Лим Суа вновь безумно расхохоталась. – И закончу я тобой... Ты будешь наблюдать за тем, что я сделаю с твоими детишками, а после я переломлю каждую твою кость и закопаю их в самом плохом месте, где только можно устроить погребение. Надеюсь, после всего этого ты станешь неуспокоенным духом и будешь мучиться целую вечность.

– Закрой рот! – процедила я и изо всех сил оттолкнула Лим Суа. Вытащив из второго кармана пуджок⁷, я взмахнула им, заставив Лим Суа попятиться. – Единственное, что ты делаешь, – это отправишься в небытие, в ад, в мир мертвых, да куда угодно, что бы жизнь после смерти из себя ни представляла. Или же просто развеешься, а вот я... – Я перевела дыхание, смерив Лим Суа суровым, уверенным взглядом. – Я верну это тело своей маме и отправлю вслед за тобой и других злых духов!

В углах палаты сгустились тени, за клубился черный туман. Лим Суа сгорбила плечи и сцепила зубы, смотря на меня исподлобья. Ее взгляд недвусмысленно давал понять, что она мечтает меня убить. Вот только не может. Как и я не могу изгнать ее. По крайней мере, до сих пор не смогла. Я пыталась... И попытаюсь вновь. Я не отступлю.

А пока... пока я продолжала приходить. Продолжала слушать оскорбления и угрозы. Продолжала оскорблять и угрожать сама. Это было больно, мучительно больно, но я не могла не делать этого. Я хотела видеть маму... И то, что управляло ее телом. Напоминать себе о

⁷ Пуджок (##) – традиционный корейский талисман, используемый для защиты от злых духов, бедствий и болезней. Изготавливается из желтой бумаги, на которой красными чернилами изображаются ритуальные символы и мифологические существа или записываются имена божеств, молитвы или другие магические формулы. Пуджоки могут быть размещены в домах, на дверях, их также можно носить с собой.

ненависти и злости, напоминать себе, почему должна приложить все силы, чтобы изгнать этого злого духа. И всех других, о которых смогу узнать.

Лим Суа, вернувшись на кровать, вдруг довольно ухмыльнулась, и все-таки в углах продолжали шевелиться непроглядно-черные тени. Скрестив ноги, она расслабленно откинулась назад, оперевшись руками о матрас, и склонила голову к плечу, снисходительно глядя на меня.

– Какая же ты идиотка, Бэль, – вздохнула она. – Как смеешь называть себя шаманкой?

– Из нас двоих ей не являешься только ты, Лим Суа.

– То, что я делала, то, на что была способна, тебе и не снилось. Тебе никогда не достичь и десятой части той силы, что была у меня...

– И посмотри, куда она тебя привела, – холодно усмехнулась я.

В глазах Лим Суа, на мгновение ставших полностью черными, полыхнула ледяная злость, но затем выражение ее лица вновь стало пренебрежительным.

– Еще увидимся, – бросила я. – Не буду мешать, а то в скором времени тебе наверняка нужно будет принимать лекарства... И веди себя тихо, если не хочешь оказаться скованной по рукам и ногам.

– Ничтожество, – прошипела Лим Суа.

Больше не смотря на нее, я подняла с пола соль и развернулась, намереваясь покинуть палату, но голос Лим Суа догнал меня и заставил замереть:

– Берегись, Бэль... Но не меня.

Я обернулась и изогнула бровь:

– О чем это ты?

– Берегись... *Она* идет, – понизив голос, медленно проговорила Лим Суа. – *Она* идет, ведя за собой толпу мертвецов, а там, где пройдет, появится новая гора трупов... Знай, *она* доберется и до тебя.

Я тихо фыркнула и вышла из палаты.

От слов Лим Суа мне стало холоднее. Я не знала, решила ли она меня припугнуть или же сказала правду... Но пока не стала об этом думать. Голова и так кипела, а тело отяжелело. Закрыв за собой дверь, я сделала еще два уверенных шага, после чего прислонилась спиной к стене и обессиленно сползла на пол, спрятав лицо в ладонях.

Мне хотелось плакать, но я не позволила бы себе слезы здесь и сейчас.

Я услышала, что кто-то подошел ко мне, но пока не отрывала лица от ладоней, не открывала глаза. Внутри бушевал ураган, из груди рвался крик, и я старательно сдерживала их.

Взяв себя в руки, я выпрямилась и посмотрела на медсестру. Та неловко топталась рядом, а когда наши взгляды пересеклись, участливо спросила:

– С вами все в порядке? Может, нужна помощь?..

– Нет, спасибо. Все хорошо. Я бы хотела встретиться с доктором Ян. Она сейчас свободна?

– Я уточню, – ответила медсестра. – Вы договаривались о встрече, госпожа Намгун?

– Я предупреждала о визите.

Почти не солгала. Встречу я не назначала, не говорила, что сегодня приду, но Ян Мигён знала, что я посещаю Лим Суа. Знала, что прихожу не то чтобы часто, но и не то чтобы редко. И мы встречались с ней почти каждый мой визит.

В скором времени я уже стояла у кабинета Ян Мигён, и, как выяснилось, у нее не было других дел. Точнее, дела наверняка были, но ни пациентов, ни каких-либо иных встреч в ближайший час не планировалось, а потому доктор пригласила меня на разговор.

– Добрый день, госпожа Намгун.

Ян Мигён была невысокой и стройной женщиной тридцати четырех лет, со светло-каштановыми волосами до плеч. Она располагала к себе доброй улыбкой и ласковым взглядом. Иногда мне казалось, она специально тренировалась демонстрировать *такое* выражение лица

и смотреть *вот так*. Хотя я видела ее и иной: рыдающей и кричащей, испуганной до смерти и горюющей, а после до слез счастливой.

– Здравствуй. Я бы не сказала, что день добрый, но рада, если он такой у тебя.

Ян Мигён посмотрела на меня с сочувствием, а затем наклонилась над столом, прищурилась глазами.

– Что у тебя с шеей?

– А что там? – словно бы удивилась я и, вытащив из сумки телефон, посмотрела на себя через фронтальную камеру. С двух сторон на шее у меня виднелись неглубокие следы от ногтей и красные пятна. – Ерунда. Завтра уже пройдет.

Ян Мигён тяжело вздохнула.

– Доктор Ян, я не твой пациент, – напомнила я с легкой улыбкой.

– Конечно, я это знаю. Просто волнуюсь.

– Я не стану отнимать у тебя много времени, – перешла я к делу. – К тебе в последнее время не поступал никто странный?

Ян Мигён кашлянула, сдерживая смех, и я хмыкнула:

– Веди себя профессионально, доктор Ян.

– А ты будь повежливее, я вообще-то на три года тебя старше. Но я поняла, о чем ты. Нет, ничего такого... Если кто-то и есть, то, по крайней мере, пока я этого не заметила. Все... обычно.

Хорошая новость.

– Пусть так и будет, – выдохнула я. – Но если что, звони и пиши мне в любое время, пожалуйста!

– Конечно, – серьезно кивнула Ян Мигён. – И ты можешь в любое время дня и ночи позвонить мне, ты ведь это знаешь?

– Знаю. Но, к счастью, пока твоя помощь мне не требуется. И Донсу с Дживон тоже.

– Я могу быть полезна не только как психиатр, но рада, что у тебя все под контролем... Как... Лим Суа? – осторожно спросила Ян Мигён.

Я помедлила, и это само по себе было ответом.

– Как и всегда. Несла всякий бред и угрожала мне. Иногда даже интересно становится, какую новую угрозу она придумает на этот раз...

Я говорила нарочито безразлично, но Ян Мигён наверняка понимала, что это лишь видимость. Она знала, что в теле моей мамы, Ко Сунхи, заперт злой дух. Вот уже двадцать девять лет...

Казалось бы, какой врач – образованный, опытный, компетентный – будет верить в существование злых духов, в одержимость, в шаманов и медиумов?.. Особенно психиатр. Вот и Ян Мигён когда-то в такое не верила. Уверена, она бы никогда не пришла к шаманке...

Если бы однажды в ее маленького сына не вселилось нечто *злое*. Нечто, что подожгло их квартиру и едва не убило мужа Ян Мигён, отца ребенка. Конечно, как психиатр, она не сразу пришла к пониманию, что ее ребенок одержим. Она не поверила и тогда, когда я сообщила ей об этом, а ведь Донсу увидел злого духа в маленьком мальчике совершенно случайно. Ян Мигён поверила мне, лишь когда это существо попыталось убить уже ее, внезапно заговорив взрослым мужским голосом о том, о чем не мог говорить ребенок.

Злой дух оказался слабым, видимо, поэтому и выбрал своей жертвой ребенка. Обряд экзорцизма вышел несложным и, к счастью, никак не отразился на сыне Ян Мигён.

– Раз никакой работы для меня нет, я пойду, – кивнула я, вставая с кресла. – Была рада повидаться, доктор Ян.

– И я, госпожа Намгун. Пойдем, провожу тебя.

Я не стала спорить, и мы в молчании дошли до выхода из больницы. С каждым шагом, что уводил меня дальше от проклятой палаты, мне становилось чуточку легче... И одновременно тяжелее. Так странно, и это сводило с ума.

– Будь осторожна, – попросила Ян Мигён, остановившись у дверей. – Твоя работа... Не рискуй.

– Я буду осторожна, но риск... Этого обещать не могу, – с ноткой веселья ответила я. – Сама понимаешь, иначе это уже не будет моя работа.

Она нахмурилась, вновь посмотрев на меня с сожалением, и я вздохнула:

– Я пойду, у меня еще есть дела... Увидимся.

– Увидимся.

Направляясь к машине, я затылком чувствовала взгляд Ян Мигён, но не стала оборачиваться и села за руль, вцепившись в него так сильно, что побелели костяшки пальцев. Я вдохнула и выдохнула, прикрыла глаза, а затем посмотрела в сторону окна, за которым располагалась *та самая* палата. Я не могла увидеть Лим Суа, но мне казалось, она смотрит на меня, и этот взгляд обжигал даже издалека.

Резко отвернувшись от здания больницы, я завела машину и направилась напрямик в Каннам⁸. Припарковавшись, поднялась в свой офис на третьем этаже двадцатиэтажного здания. Здесь я принимала клиентов, консультировала и гадала, а вот ритуалы проводила в домах клиентов, храмах или арендованных залах. В той же высотке, на одиннадцатом этаже, располагалась и моя квартира.

Переступив порог офиса, я увидела свою ученицу, Дживон, сидящую перед алтарем. Алтарь был уставлен зажженными свечами и благовониями, тарелками со свежими фруктами и сладостями, мисками с рисом, парой бутылок соджу и другими подношениями.

Стена за алтарем почти полностью скрывалась за свитками с пестрыми изображениями божеств и духов: Десяти царей загробного мира; Ёнтэ Буин, супруги царя драконов Ёнвана; духа гор Сансина с крупным тигром по правую руку...

Потолок был увешан бумажными фонарями в форме разноцветных лотосов, и с большинства из них свисали длинные листки с молитвами, просьбами и посланиями.

В зале стоял слабый, но заметный древесный запах благовоний, который тут же окружил меня теплым и легким ощущением дома.

– О, наставница, вы вернулись! – радостно улыбнулась Дживон.

– Привет, Дживон-а⁹. Как ты? Посетителей не было?

– Сегодня должна была прийти моя знакомая, Йерим-онни¹⁰, помните, я про нее рассказывала? Мы договаривались встретиться здесь, но она почему-то так и не появилась и не отвечает на звонки. Передумала, может.

– Что-то серьезное? – спросила я и села за столик перед алтарем, подогнув под себя ноги. – Зачем эта девушка хотела прийти?

Бывало, ко мне обращались с жалобами на докучливых злых духов, которые вселялись в людей, шептали что-то им на ухо... Часто таких клиентов следовало отправить к Ян Мигён, а не ко мне, но случалось и такое, что на человека действительно нацеливались злые духи. И не помочь вовремя значило оставить человека или его близких и друзей в смертельной опасности.

⁸ Каннам-гу (###) – район на юго-востоке Сеула, один из самых известных и престижных, ставший символом богатства, технологий и современной культуры.

⁹ – а (#) или – я (#) – суффиксы, которые добавляются к имени человека при неформальном обращении к нему («-а», если имя заканчивается на согласную букву, «-я», если на гласную). Эти суффиксы используются при обращении к близким друзьям, родственникам, как правило, ровесникам или младшим, или к детям и демонстрируют теплоту и близость в отношениях между говорящими.

¹⁰ Онни (##) – букв.: старшая сестра; также обращение младшей девушки к старшей.

– Ничего такого, – пожала плечами Дживон. – Она сказала, что ей снятся плохие сны, а еще хотела узнать свою судьбу. Ну, сдаст ли она экзамены в университет. Но на всякий случай я подарила ей деревянный пуджок для защиты от злых сил.

– Понятно.

– Как все прошло? – как бы невзначай спросила Дживон.

Посмотрев на нее, я как наяву услышала угрозу Лим Суа, и внутри всколыхнулась тревога, но я заставила себя успокоиться. Я не позволю словам злого духа влиять на меня. Это ослабит меня и даст этой твари и ей подобным преимущество.

– Как обычно. – Вдаваться в подробности не хотелось. – Больше ничего нового?

– Нет. Скучотища...

– Тогда иди и делай домашнее задание.

– Знаете, а ведь работа шаманки – это не только борьба со злыми духами и проведение ритуалов, – серьезным тоном заговорила Дживон. – Так что я еще тут посижу.

– Ты еще не шаманка.

– Но стану ей! – уверенно заявила Дживон.

Я качнула головой.

– Видела Донсу? – спросила я, переводя тему.

– Нет, – расстроено поморщилась она, и я сдержала смешок. К счастью, ученица не заметила моей реакции. – А что?

– Хотела узнать у него, не звонил ли Хан Ханьль... Он ведь помогал нам – и вдруг... Странно.

– Может, ему надоело, – пожала плечами Дживон. – Испугался или устал, вот и сбежал куда подальше. Его начальник же сказал, что он переехал?

– Да. – Я с сомнением поджала губы. – Он уехал в США, но что-то меня тревожит... Хан Ханьль не производил впечатление того, кто так легко сдастся.

Дживон в задумчивости отвела взгляд, а потом предположила:

– Может, он решил затаиться? Усыпить бдительность тех придурков?

– Не ругайся, – тут же откликнулась я. – Но может, ты и права... Надеюсь.

Внезапно дверь за моей спиной открылась, да так резко, что я недоуменно обернулась. На пороге показался Донсу, и выглядел он встревоженным и мрачным.

– Донсу-я?

– Кажется, объявился злой дух, – поспешно сказал он. – Убиты шестеро школьников.

Я округлила глаза:

– Как?

– Их задушили... Точнее, – Донсу посмотрел мне в глаза, – они задушили себя.

Глава 3

И снова кто-то умер

Чон Донсу

По пути в школу, ученики которой то ли были убиты, то ли покончили с собой, я искал статьи на эту тему в интернете. Намгун Бёль не могла перенести запланированный чиногви-гут¹¹, а так как пока смерть никому вроде бы не угрожала и мы не были уверены, что действительно вышли на след злого духа, на проверку отправился я один.

Тем более во время таких проверок мои способности куда полезнее, чем способности шаманов: я не только *чувствую*, как шаманы, причем даже лучше многих из них, но еще и *вижу*.

Правда, сильные стороны Намгун Бёль, которых я лишен, – дипломатичность и очарование, располагающие собеседников. Что ж, придется полагаться на свой опыт вытягивания информации.

Водительских прав у меня не было, машины тем более, поэтому до нужной школы я добирался на метро. К счастью, дорога была недолгой, но по этой причине я успел прочитать не так много статей о случившемся. Хотя, как мне показалось в процессе поиска, подобных статей в принципе было довольно мало. Меньше, чем могло бы быть, учитывая странность, если не дикость случившегося. Поэтому я подумал, что либо школа всеми силами пыталась скрыть неприглядную правду, защищая свою репутацию, либо это делали родители кого-то из погибших. Эта частная школа не была элитной, но и простой ее не назовешь. У кого-то из родителей вполне могли найтись нужные связи.

Выйдя на улицу, я огляделся и включил в телефоне навигатор, который в скором времени привел меня к большому светлому зданию школы.

После того как я предъявил удостоверение личности и расписался в журнале регистрации, охрана пропустила меня внутрь. Как причину посещения я указал собеседование – якобы хочу устроиться здесь учителем... Я даже задумался, какого именно предмета, но решил, что мог бы попробовать себя разве что в роли репетитора по истории или китайскому. Правда, не факт, что с таким учителем, как я, школьники далеко бы продвинулись.

Учебный день был в самом разгаре, поэтому я без труда отыскал школьника, у которого смог спросить дорогу, и затем без проблем нашел учительскую. Заглянув в окно сбоку от двери, я увидел четырех учителей: слишком много. Поразмыслив, я направился дальше по коридору,

¹¹ Чиногви-гут (#####) – шаманский обряд (кут, #) из Сеула, предназначенный для умиротворения и проводов души умершего и помощи в ее переходе в загробный мир.

через окна или открытые двери заглядывая в кабинеты, полные подростков, завернул за угол и увидел в одном из классов женщину лет тридцати, стирающую с доски решение какой-то задачи.

Намгун Бёль сначала предложила обратиться за помощью к детективу О Бэкхёну, но мы оба понимали, что не можем полагаться на него так часто... Да и мне этого совсем не хотелось. Справимся и сами, много раз так делали. Поэтому сейчас я должен узнать то, за чем пришел.

– Здравствуй, учитель! – обратился я к ней вежливым тоном. – Можно с вами поговорить?

Женщина обернулась и, окинув меня быстрым взглядом, сдержанно улыбнулась:

– Да, конечно... Меня зовут Син Чхэрён. Могу я спросить, кто вы и о чем хотите поговорить?

– Рад познакомиться, учитель Син. Я Ли Донсу, старший брат одного из учеников, – уверенным тоном начал я, проходя в класс. – Брат рассказал мне о произошедшем... – На этих словах я недовольно нахмурился. – И теперь я хочу, чтобы он сменил школу. Пока до экзаменов еще есть время. наших родителей тоже весьма обеспокоила эта ситуация, но они, к сожалению, очень заняты работой в суде, поэтому я пришел поговорить вместо них.

Син Чхэрён напряглась – не знаю, из-за упоминаний убийств, из-за моих якобы работающих в суде родителей или потому что не поверила мне... Но не успел я занервничать, как она с виноватым видом вздохнула и заговорила, чуть понизив голос:

– Господин Ли, мне очень жаль, что произошло нечто подобное... Но вам нет смысла беспокоиться... И вашим родителям тоже...

– Нет смысла? – возмутился я, но сдержанно. Слишком давить на учителя в своем шатком положении не стоило. – Шестерых учеников убили! Что у вас за охрана такая! Как мои родители и я можем быть спокойны, что моего брата не убьют следующим?

Син Чхэрён занервничала, и это меня порадовало.

– Господин Ли... – убеждающим тоном начала она. – Кто сказал вам, что учеников убили? Они покончили с собой... Да, случившееся ужасно, но это не вина нашей школы, ведь мы не знаем, что делают дети дома, что делают их родители...

Ну, можно было и заметить, что аж шесть подростков хотят покончить с собой. Тем более с нынешними требованиями к старшеклассникам преподаватели видят их чаще, чем родители.

– Кроме того, только четверо... совершили это здесь, – все тем же тоном продолжила Син Чхэрён. – Двое... вне школы.

– Но рядом же! – недовольно возразил я, пытаюсь узнать больше.

– Нет-нет! Это было в доме одного из учеников, не слишком близко к школе, – заверила учительница. Конкретнее она не сказала, но глупо было надеяться на точный адрес.

– Хм... То есть вы уверены, что тут безопасно? Потому что мы не особо хотим перевода, ведь качество образования у вас высокое...

– Да, конечно безопасно! – воодушевилась Син Чхэрён. – И уровень преподавания у нас и правда очень высокий, многие выпускники поступают в Сеульский...

– Ну...

За дверью послышались голоса учеников, которые подходили к классу, громко переговариваясь и смеясь.

– У меня скоро начнется урок математики... – извиняющимся тоном проговорила Син Чхэрён. – Но вы можете поговорить еще с заведующим учителем, она вам в подробностях расскажет, почему наша школа одна из лучших!

Ага, конечно.

– Спасибо, так и сделаю, – кивнул я. – Я пойду, не смею больше вас отвлекать.

– Спасибо, господин Ли, – кивнула Син Чхэрён.

Ученики начали заходить в класс, и она кинула на них быстрый взгляд через мое плечо, а затем прошептала:

– Только могу ли я попросить вас не говорить о том, что произошло, вне стен нашей школы? Сами понимаете, это может ударить по нашей репутации и огорчить учеников, а ведь им, как и вашему брату, скоро сдавать много контрольных и, конечно, экзамены... Ничто не должно их отвлекать и мешать им.

Я едва не усмехнулся этой нехитрой манипуляции:

– Понимаю. Конечно, я не буду болтать.

Попрощавшись с Син Чхэрён, я вышел в коридор и огляделся, чтобы перехватить учеников, пока у тех не начнутся занятия. К концу коридора уже подходили четверо старшеклассников в спортивных костюмах, и я поспешил к ним:

– Эй, погодите!

Две девушки и двое парней обернулись.

– Что такое? – отозвался один из них.

– Хочу спросить кое о чем. Это же тут четверо школьников покончили с собой, так?

Старшеклассники приподняли брови и окинули меня кто изучающим, кто любопытствующим взглядом.

– А вы вообще кто? – уточнила девушка. – И что вам нужно?

– Давайте я просто задам вам пару вопросов, а вы ответите, идет? – предложил я.

– Вы журналист, что ли? – прищурился второй парень. – Может, нам сообщить учителю?

– Можете сообщить. Только вам-то что от этого?

Старшеклассники переглянулись, словно спрашивая друг у друга, а я невозмутимо смотрел на них, ожидая, что они скажут.

– Ну... Да, четверо недавно погибли здесь, – кивнул первый парень. – И что?

– И еще двое тем же вечером вне школы, правильно? – уточнил я. – Вы не знали их? Я бы просто хотел поговорить с тем, кто знал кого-то из этих ребят.

Парни и одна из девушек рассмеялись, а вторая фыркнула:

– Этих четверых почти вся школа знала. Те еще придурки. Хулиганили, издевались над теми, кто слабее, но зато были в команде по плаванию... А вот те двое... – протянула она, вспоминая.

– С ними вроде как никто и не общался, – пожал плечами один из парней. – Только те четверо их задирали.

Я ощутил, как голову будто сжало в тисках, в затылке застучало, а кожа покрылась холодным потом. Посмотрев за спины учеников, я нахмурился, но пока решил не отвлекаться. И все-таки в ушах раздался неразборчивый шепот, забивающийся в голову и обволакивающий разум. Я подавил желание надеть висящие на шее наушники и попытался просто не слушать, не обращать внимания и уж тем более не разбирать отдельные слова.

– У этих двоих же еще один друг был, они всегда втроем ходили, – напомнил второй парень. – Да, втроем. Точно помню, потому что те четверо придурков хотели их избить, но я и еще двое из нашей команды по тхэквондо проходили мимо и прогнали их.

– Ну, может быть. Я не в курсе, – пожал плечами первый старшеклассник.

– Нет-нет, был у них третий... Доён... Или Дохён, – припомнила одна из девушек. – Кажется, Ким Дохён.

– Эй, все рассказали журналисту просто так! Ты нам должен был хоть заплатить немного за информацию.

– Какие дети сейчас наглые, – отметил я. – Будет вам урок, сначала просите оплату.

Старшеклассники закатали глаза.

– Идем, на тренировку опоздаем, – позвала девушка.

– Погодите, – остановил их я.

- Да что еще?
- Вы видели сегодня этого Ким Дохёна?
- Старшеклассницы вновь фыркнули.
- Мы же ему не приятели, – сказал один из парней.
- Я слышал, что он вроде как с самого дня происхождения сидит дома, – вспомнил второй.
- А ты знаешь, где он живет?
- Нет... хотя я знаю того, кто может подсказать. Но теперь уже не бесплатно.
- Я закатил глаза:
- Хорошо, сколько?
- Двести тысяч вон.
- Совсем обнаглел? – поразился я.
- Ладно, сто пятьдесят.
- Сто.
- Идет!

Воодушевившись, старшеклассник позвонил какому-то своему знакомому, который «все про всех знает», и спустя несколько минут адрес Ким Дохёна знал уже и я. Но только примерный, и старшеклассник посоветовал мне поспрашивать на той улице.

– За сто тысяч еще и неполная информация, – хмыкнул я, но расплатился. Прежде чем ребята успели уйти, я задал последний вопрос: – Кстати, кто такая Чха Минджи?

Все четверо уставились на меня в удивлении, переглянулись, и один из парней мрачно хмыкнул:

– Ты истории о трупах собираешь? Маньяк, что ли? Чего так интересуешься самоубийцами?

– Это скорее мне надо спросить, откуда у вас в школе столько самоубийц... – пробормотал я и махнул рукой за спину этих старшеклассников. – У нее просто на бейджике написано «Чха Минджи».

Старшеклассники резко обернулись, но никого не увидели.

– Э-э-э... Там же никого нет?..

– Ну вы ведь сами сказали, что она самоубийца.

Они снова обернулись ко мне, смерив странными взглядами.

– Псих, – пробормотала одна из девушек и потянула вторую за рукав спортивной кофты. –

Пойдем уже.

Они быстро скрылись за поворотом, а я посмотрел в угол коридора, где увидел школьницу лет шестнадцати. Она была одета в форму с вышитым на жилетке именем Чха Минджи. Ее волосы были растрепаны, а глаза – заплаканы. Но первым делом бросалось в глаза другое: половина ее лица была залита кровью, и от нее же слиплась часть длинных черных прядей. Запястье и пальцы одной из ее рук были искривлены переломами, а одна нога повернута в неправильную сторону.

Вокруг Чха Минджи расплзался черный туман, ее ступни в белых носках и темных туфлях были испачканы чем-то черным и густым, похожим на смолу, которая будто прилепила подошвы духа к полу. Пустой взгляд Чха Минджи был прикован к двери в один из кабинетов, а вторая рука сжималась в крепкий кулак. Внезапно вонхон¹², а я был почти уверен, что правильно понял ее суть, повернула голову и посмотрела мне в глаза, и тогда голос в моей голове стал куда громче, словно кто-то настойчиво зашептал мне что-то прямо на ухо...

Я тут же надел наушники и поспешно включил первый попавшийся в плейлисте трек – только бы заглушить этот шепот... В ушах едва ли не на полной громкости заиграла Panic

¹² Вонхон (##) – дух человека, обиженного при жизни, часто умершего трагически и страдающего от несправедливости.

Attack¹³, и, развернувшись, я широким шагом направился к выходу, спиной чувствуя тяжелый взгляд вонхон. Нужно будет рассказать о ней Намгун Бёль... Я ощутил ноющую боль в груди, к глазам подступили слезы, но я не почувствовал остроту ненависти. Эту Чха Минджи что-то крепко держит здесь, она горюет, но злым духом не стала.

Стоило мне спуститься на первый этаж, как почти все неприятные ощущения пропали, но я не стал задерживаться, рискуя нарваться на неприятности, поспешно покинул школу и только после этого снял наушники.

Хоть и совсем немного, но действительно важные сведения я раздобыл. Значит, так... Из новостей я уже знал, к тому же уточнил у школьников, что сначала в школе погибли четверо хулиганов, а уже затем, в доме неподалеку, – две жертвы их издевательств. Странно. И не похоже на совпадение. Вот только обычно первыми умирают жертвы и лишь потом, уже после смерти, мстят обидчикам, утаскивая тех за собой.

Что же случилось *здесь*? Я почти не сомневался, что в деле замешан злой дух... Или злые духи. Но не понимал как. Кто виновен?

Более того, я узнал, что у двоих убитых – или же самоубийц – есть третий друг, все еще живой. Это походило на везение, ведь теперь я могу попытаться узнать что-то новое уже у него – потому что выяснил название улицы, на которой живет выживший школьник. Именно *выживший*. По крайней мере, жив он на данный момент. Почему-то я не сомневался, что этому Ким Дохёну может грозить опасность.

К счастью, нужная улица оказалась вполне поблизости, и я добрался до нее за двадцать минут ходьбы. Зайдя в небольшую забегаловку, я спросил у хозяйки, не знает ли она Ким Дохёна, но та не припомнила, чтобы слышала об этом парне. Тогда я пошел дальше и заглянул в небольшой круглосуточный магазинчик, но и там не сумел ничего выяснить. Зато в рыбной лавке на рынке чуть дальше по улице продавщица оказалась знакомой матери лучшего друга Ким Дохёна, Пён Ёнсика, тоже жившего на этой улице.

– Бедный Ёнсик ушел так рано! – сетовала продавщица. – Он же еще даже старшую школу не окончил! Не сдал выпускные экзамены! А ведь такой умный парень был... Такой способный и вежливый...

Продавщица отругала его «безответственную мать», которая не следила за сыном, и тогда к разговору подключилась еще одна аджумма¹⁴ – покупательница, только подошедшая к лавке. Она согласилась с тем, что за детьми, особенно подростками, нужно лучше следить, а не пропадать целыми днями на работе.

– Вот если бы она не ушла от мужа, смогла бы нормально воспитывать сына! – заявила она, и продавщица согласно закивала.

С трудом выслушав их сплетни и даже не скривившись от отвращения, за что мысленно похвалил себя, я сумел выяснить, где живет Ким Дохён, после чего быстро ушел. Еще около десяти минут ходьбы, и я добрался до небольшого одноэтажного дома, скрытого за выкрашенной в зеленый цвет деревянной калиткой.

Та оказалась не заперта, и я без проблем прошел дальше, пересек маленький двор и постучал в дверь. Какое-то время никто не отзывался, и тогда я, мысленно молясь, чтобы Ким Дохён действительно оказался дома и один, постучал вновь, уже громче.

Лишь спустя полминуты дверь все же приоткрылась, и на пороге показался бледный парень лет семнадцати-восемнадцати, лохматый и с темными кругами под глазами.

– Здравствуйте... – напряженно поздоровался, как я понял, Ким Дохён. – Кто вы?

¹³ Песня американской прогрессив-метал-группы Dream Theater.

¹⁴ Аджумма (###) – корейское обращение к женщине среднего и старшего возраста, как правило, к замужней; аналог «тетя». Может быть воспринято негативно из-за ассоциирующегося с таким обращением стереотипного образа.

– Меня зовут Чон Донсу. – Я постарался улыбнуться с дружелюбной уверенностью. – Я из полиции, мне нужно задать тебе пару вопросов... Не волнуйся, это формальность, я и сам не особо хочу, но уж такая у меня работа. – Я утомленно вздохнул.

Дохён нахмурился и окинул меня мрачным взглядом, все так же не пропуская в дом.

– Из полиции?.. Тогда покажите удостоверение.

Проклятье, сложно было просто поверить? Да я и сам молодец, не выбрал вариант получше... Намгун Бёль наверняка придумала бы что-нибудь более убедительное.

– Ну хорошо, я не из полиции.

Врать дальше не было смысла, но зато я понял, что Дохён... слишком уж встревожен. Ясное дело, он мог быть опустошенным, горящим, скорбящим... Но не таким испуганным.

Дохён презрительно фыркнул и хотел было закрыть дверь, но я удержал ее. Сил у меня было куда больше, чем у этого тощего парня, который оказался ниже меня на полголовы.

– Что ты делаешь? – разозлился Дохён, отбросив вежливость.

– Нужно поговорить.

– Не хочу я с тобой разговаривать! Отпусти дверь! Или я вызову полицию!

– Ладно. Можешь вызвать полицию. – Я невозмутимо пожал плечами. – Но хуже от этого будет только тебе.

Я пристально посмотрел в глаза Дохёну, пытаюсь напугать его своим тяжелым, уверенным взглядом. Но на самом деле блефовал... Я предполагал, что этот парень чего-то боится, но не знал, испугается ли он полиции.

А в чем я был уверен наверняка, так это в том, что вокруг Дохёна вилась аура смерти. Едва заметная, слабая... Но я уловил ее. Она горечью осела на моем языке и легкой дрожью пробежала по спине.

Странно. И подозрительно.

Дохён напрягся еще сильнее и вжал голову в плечи. Сцепив зубы, несколько секунд он еще выдерживал мой взгляд, но затем отвернулся, зло выдохнул и вновь посмотрел на меня:

– Кто ты?

– Я медиум. И сюда меня привел дух одного из твоих друзей.

Вроде бы ложь, а вроде бы правда. Но раскрывать карты, говоря, что ищу злого духа, я не хотел. Слишком рискованно. А в таких делах риск не всегда оправдан... Хотя порой обойтись без него невозможно.

Дохён округлил глаза, отшатнувшись, и тогда я сумел полностью открыть дверь, но пока не заходил, чтобы не напугать парня еще сильнее.

– Я... – Дохён растерялся. – Я... – Он часто задышал и закашлялся, но быстро взял себя в руки и кивнул: – Про... проходи.

Выдохнув, я вошел и, оказавшись в гостиной, тут же огляделся. На первый взгляд ничего особенного, обычный небольшой дом со светлыми стенами и старой мебелью. Я не заметил ни талисманов, ни сурт, ни статуэток. Даже католических атрибутов защиты вроде крестов не было.

Вот именно: *ничего* подобного. Я сразу отметил отсутствие какой-либо защиты. Это вроде бы не было чем-то удивительным... И все же, если этот парень знает о злых духах, если знает, в чем причина гибели его друзей, почему даже не попытался оградить свой дом?..

Но в первую очередь меня интересовал не интерьер, а атмосфера... И ей я остался разочарован, ведь не ощутил присутствия чего-то темного. Никаких духов. Даже их следов.

Ничего.

Тем временем Дохён притащил с кухни, скребя деревянными ножками по полу, стул, поставил тот между старым телевизором и небольшим диваном и сел.

– Присаживайся. – Дохён кивнул на диван. – Не хочу, чтобы ты тут задерживался, поэтому не стану предлагать воду или что-то еще. Говори быстрее, что нужно... Родители могут скоро вернуться.

Он был на взводе, но я не стал реагировать на грубость и фамильярность, лишь медленно прошел к дивану, продолжая внимательно оглядываться. Вдруг я что-то упустил?.. Но нет, никакого присутствия злого духа я так и не ощутил.

Зато увидел на стене фото Дохёна с улыбающимися мужчиной и женщиной, наверняка с его родителями, а также еще одно – с двумя другими парнями. Вероятно, с теми самыми якобы покончившими с собой старшеклассниками.

Под сердитым взглядом Дохёна я наконец сел на диван:

– Твои друзья ведь покончили с собой?

– Д-да. – Он зажмурился и опустил голову.

– Хм... Как и хулиганы, которые вас задирали, да?

– Откуда ты это знаешь? – Дохён вскинул на меня взгляд, и в его покрасневших глазах я прочел злость и страх.

– Я же сказал, что медиум, – ответил я так, словно это все объясняло.

– Я не верю в медиумов.

– Но впустил меня. – Я старался говорить спокойно и твердо, не переходя ни на раздраженный, ни на нетерпеливый тон. – Не веришь, значит... А веришь ли в злых духов?

Дохён вздрогнул и кинул короткий взгляд влево. Посмотрев туда, я увидел только проход на кухню, зеркало на стене и тумбу с лежащим на ней школьным рюкзаком.

– Нет, – хрипло ответил Дохён.

– Неужели? – приподнял я брови. – Вообще ни в каких духов не веришь? Тогда скажи, почему впустил меня, стоило мне сказать про дух твоего друга?

Дохён несколько мгновений молчал, нервно заламывая пальцы, и судорожно вздохнул:

– Я... Они были моими лучшими друзьями. Я знал их с детства... Я хочу... Я бы хотел...

Что бы они мне сказали? Я бы хотел услышать, что они мне передадут... – Его голос затих, и несвязное бормотание оборвалось.

– Ты чувствуешь, что виноват перед ними?

– С чего это ты взял?! – разозлился Дохён, едва ли не подскочив на стуле, но своей вспышкой лишь убедил меня в правоте.

– Потому что духов в мире живых обычно держат какие-то сильные чувства. Иногда светлые, связанные с желанием защитить дорогого человека... Но чаще всего якорями становятся именно темные чувства и воспоминания. Ненависть и обида, к примеру. Как думаешь, что могло бы задержать твоего друга? Желание предупредить тебя о чем-то? Или же гнев?

Дохён снова зажмурился и едва слышно ответил:

– Не знаю.

Нас обступила тяжелая тишина, поглощающая воздух, затрудняющая дыхание. На стене громко тикали часы, поднимая во мне градус закипающего раздражения, но я постарался держать чувства под контролем. Немного подождав, я хотел было продолжить расспросы, но внезапно лампа над нашими головами погасла.

Дохён вскрикнул и, дернувшись, едва не упал с пошатнувшегося стула. Он затрясся от ужаса. Его полный тревоги взгляд был направлен на лампу, висящую под потолком, лицо искривилось, а дыхание потяжелело, срываясь на хриплые выдохи. Я с удивлением уставился на него, но Дохён вдруг взял себя в руки и закашлялся, прочищая горло.

– Лампочка... перегорела. Бывает.

– Да, бывает, – медленно отозвался я, внимательно глядя в его лицо.

Что же его так напугало?

Он что-то скрывал. Но у меня не было времени и возможности вытягивать из него нужные мне сведения. А потому стоило рискнуть.

– Твоих друзей и тех хулиганов убил злой дух.

Дохён вновь пошатнулся, округлив глаза и вцепившись пальцами в стул:

– Откуда вы знаете?

Риск себя почти оправдал. Осталось еще немного.

– Откуда взялся этот злой дух? – спросил я. – Он ведь может убить еще кого-то. Он может убить *тебя*.

– Нет, нет, – закачал головой Дохён. – Нет...

– Злой дух неспроста выбрал этих шестерых. Ты должен знать, откуда он появился и почему напал именно на них. И на обидчиков, и на обиженных, – продолжил я.

– Нет! – закричал Дохён. Он вскочил со стула, и тот с шумом повалился на пол. Мне показалось, Дохён вот-вот кинется на меня с кулаками: такой яростью искрился его взгляд. И все-таки страха в чертах его посеревшего лица было куда больше. – Нет! Все не так! Ты ничего не знаешь! Убирайся из моего дома!

– Ким Дохён...

– Убирайся! – закричал тот, тяжело дыша. – Я сказал, проваливай!

Мгновение я не двигался, отвечая на гневный взгляд, но потом кивнул и направился к выходу. Я понял, что больше ничего не добьюсь... По крайней мере, пока. Стоило покопать в другом месте, обдумать то, что мне все же удалось узнать. И быть может, я вернусь сюда уже с Намгун Бёль.

Главное, чтобы к этому моменту этот идиот еще был жив.

Провожаемый взглядом напуганного до смерти и покрасневшего от злости Дохёна, я молча вышел из его дома и отправился обратно к метро.

День не прошел впустую, но могло быть и лучше.

Не успел я дойти до станции, как мне позвонила Намгун Бёль.

– Донсу-я, – взволнованно заговорила она. – Помнишь то странное дело, которое мы обсуждали вчера? Появилась еще одна жертва! Почерк тот же самый.

– Понял, – вздохнул я.

– Где ты? Скинь адрес. Я как раз закончила ритуал и заеду за тобой!

– Сейчас, нуна¹⁵.

Положив трубку и набрав сообщение, я вновь тяжело вздохнул.

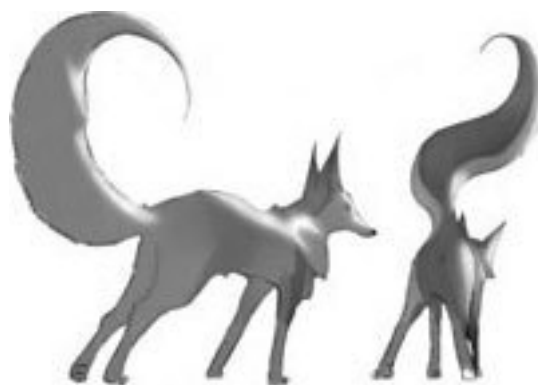
И снова кто-то умер.

В голове раздались звуки ударов в гонг, звон колокольчиков и гром барабанов, сливаясь в единую музыку – тревожную, волнующую, будоражащую... А затем к этой музыке добавились человеческие крики и нездоровый визгливый смех...

Я тряхнул головой, прогоняя воспоминания, многие воспоминания, смешанные друг с другом. Ритуалы, обряды, случайные встречи.

Я ведь медиум. Смерть всегда шепчет мне на ухо и обнимает холодными руками. Безумие всегда рядом и только и ждет, чтобы я сдался.

¹⁵ Нуна (##) – букв.: старшая сестра; также обращение юноши к девушке старше его, используется преимущественно при близких отношениях.

Глава 4

То есть ты мертва?

Хван Йерим

В темноте я услышала удар в гонг, и его тягучий звук разнесся, разрывая тишину, а после в ней же и потонул. Следом раздались ритмичный бой барабана и болезненно тонкий звон колокольчиков.

Наконец тьма рассеялась, но зрение оставалось нечетким, расплывчатым, словно я смотрела на мир через грязное мутное стекло. И все же мне удалось разглядеть фигуру женщины, одетой в пестрый мубок. Мысли путались, на образ перед глазами то и дело падала тень, а потому я не могла понять, что эта женщина делает. До ушей донесся ее далекий голос, но я не смогла разобрать ни слова.

И вдруг в руке женщины сверкнул ритуальный нож. Я не сомневалась, что это он...

Слух порезал громкий злой крик, в который впелся еще один, полный страха, а затем я увидела кровь. Она залила все вокруг, затекла в глаза, испачкала руки, привкусом железа осела на языке... Зрение слегка прояснилось, и сквозь алую пелену я увидела еще один силуэт. Человек лежал на полу, и я не могла различить ни его лицо, ни возраст, ни даже пол. Но почему-то я отчетливо понимала, что он мертв. Рядом с его телом копошились пауки. Они заползли на него, погребая под собой...

А после все вновь заволочла темнота.

* * *

Я открыла глаза и тут же села, чувствуя, как быстро колотится сердце и стучит кровь в ушах. Пару раз моргнув, я осмотрелась, но ничего не разглядела из-за плотной вуали теней, оставляющей лишь размытые очертания предметов. Я поняла только, что нахожусь в какой-то комнате, и выдохнула, решив, что увидела реалистичный кошмар, уснув после длинного рабочего дня...

Но уже через секунду я осознала, что не помню, как вернулась домой. Не помню, чтобы здоровалась с мамой. Не помню, как разделась и легла в кровать. Помню лишь, что в который раз увидела странный сон про шаманку, мертвых людей и кровь... И тогда вдруг осознала, что не узнаю свою комнату. И сидела я вовсе не на своей постели, а на ледяном линолеуме.

Холод пола проник мне под кожу, пробежался по венам и нервам, уколол сердце, растекаясь в груди, а после сжал голову. Я подскочила на ноги и задрожала, обхватив себя руками.

Меня затрясло от холода и внезапно нахлынувшего страха, и ветровка с джинсами не могли удержать исчезающее тепло.

Несколько мгновений я простояла на месте, вслушиваясь в тишину, прерываемую лишь тихим скрипом где-то за тонкой стеной. Глаза наконец привыкли к темноте, и в проникающем через пустой дверной проем тусклом свете лампы я сумела рассмотреть крошечную комнату: кровать с потертым покрывалом на треть уходила под небольшой рабочий стол, на котором стоял узкий шкаф. Обои слезали со стен, открывая пятна плесени. Места почти не было, два шага – и выйдешь за порог. Окон не оказалось вовсе, а потому я даже не могла угадать, какое сейчас время суток. Судя по всему, я очулась в косивоне...¹⁶

Тихо выйдя из комнаты – двери в проеме почему-то не оказалось, – я очутилась в узком темном коридоре и, нервно поглядывая по сторонам, поспешила к выходу на лестничную площадку. Через перила выглянула на этаж ниже, прислушалась, но вновь никого и ничего не услышала. И тогда, стараясь не издавать ни звука, поспешила вниз, на выход из косивона. Я очулась на четвертом этаже и почти сбежала с последних ступеней к выходу, обратив внимание, что и здесь двери... нет. Остался лишь пустой проход. По спине пробежала новая волна дрожи, но, медленно выдохнув, чтобы избавиться от разрывающего изнутри напряжения, я вышла в тесный переулок.

Напротив стоял старый кирпичный дом с припаркованным рядом скутером, тянулись к темному небу уличные столбы со спутанными проводами, идущая волнами узкая дорога без какой-либо разметки круто уходила вверх, а обрамляли ее смятые упаковки, бутылки и связки картона.

Явно не самый лучший квартал, к тому же... в доме напротив я вновь не увидела двери, а в окнах не оказалось ни стекол, ни рам. Может, я в районе реконструкции?..

Помедлив, я сделала несколько шагов вверх по улице. Бесперывно оглядываясь, я запуталась в собственных дрожащих ногах и чуть не упала, едва не вскрикнула, но, устояв, зажала рот рукой и поморщилась, мысленно ругаясь на себя за глупость. И все же я решила быть к себе помягче: вокруг так холодно, я на незнакомой улице ночью, а последнее мое воспоминание о том, что, как я надеялась, окажется лишь дурным сном.

Город был погружен в ночные тени, но, хоть фонари и не работали, лунный свет оказался достаточно ярким, чтобы позволить рассмотреть посеребренную им улицу.

Подумав, что лунный свет действительно *слишком* яркий, я подняла глаза к небу... И замерла.

Небо казалось высоким, густо-черным, словно нарисованным масляной краской, без единой звезды... И на этом мрачном полотне висели две полные луны. Крупные, окруженные холодным серебряным ореолом... *Две*.

Я зажмурилась, потерла глаза, покачала головой и только тогда вновь посмотрела наверх... И увидела две луны.

– Кажется, то, что меня ударили по голове, мне не приснилось... – пробормотала я.

Изо рта вырвалось облачко пара. Я запахнулась в ветровку, вновь обняла себя за плечи и растерянно огляделась, подпрыгивая на месте, чтобы согреться. Куда идти? Постучаться к кому-то и попросить позвонить? Поискать позднего прохожего? Лучше так, а по пути я могу набрести на круглосуточный магазин. Денег у меня с собой нет, но связаться с мамой я смогу. Или звонить сразу в полицию?

Я покосилась на две луны и подумала, что в первую очередь нужно позвонить врачу.

¹⁶ Косивон (###) – ультрабюджетное жилье в Корее, изначально созданное для приезжих студентов, готовящихся к госэкзаменам (## – государственный экзамен, # – общежитие). Однако сейчас косивоны превратились в жилье для трудовых мигрантов, временных работников и людей с крайне низким доходом.

Напевая себе под нос веселую песню, чтобы отогнать угрюмые мысли и приободриться, я наугад выбрала направление – вправо – и уже через два шага увидела, как по круто уходящей вверх улице медленно спускается девушка. Она выглядела необычно, я бы даже сказала, несколько старомодно: с накрученными волосами, заплетенными в два хвоста, в красной кофте, расклешенных джинсах и с завязанным на шее пестрым зелено-желтым платком. Но главное, она не выглядела опасной и угрожающей, а потому я с облегчением поспешила к ней.

– Извините! – воскликнула я, остановившись перед незнакомкой. – Добрый вечер! Можете, пожалуйста, помочь мне...

Я начала говорить вежливо, пусть и эмоционально, радуясь, что не придется долго бродить по холодной ночной улице, но затем мой голос затих, и я недоуменно уставилась на живот девушки. Издалека я этого не разглядела, но теперь увидела, что порванная кофта незнакомки насквозь пропитана чем-то, сильно напоминающим кровь.

Девушка окинула меня поверхностным взглядом, и я заметила, что ее глаза покраснели и опухли от слез. Но с лица был стерт даже намек на чувства, оно казалось совершенно безразличным, даже пустым.

– С вами все в порядке? – осторожно спросила я.

Не ответив, девушка прошла мимо, и пару мгновений я удивленно смотрела ей вслед, но опомнилась, догнала ее и перегородила дорогу.

– Вы ранены! – воскликнула я так, словно девушка могла этого не заметить. – Вам нужно в больницу!

Незнакомка несколько раз медленно моргнула, посмотрела вниз, на свой живот, кивнула и пробормотала:

– Ранена... Да, ранена.

Внезапно ее лицо искривилось от рыданий, глаза почернели, и из них по бледным щекам полились алые слезы. Незнакомка закричала, и я, отшатнувшись от неожиданности и страха, запнулась о собственные ноги и упала.

Наваждение исчезло так же резко, как и появилось, и я вновь увидела лишенное чувств лицо незнакомки с самыми обычными глазами, без каких-либо следов кровавых слез. Не обращая на меня никакого внимания, она как ни в чем не бывало продолжила свой путь.

Я, медленно поднявшись на дрожащие ноги, испуганно уставилась вслед девушке и хотела было догнать ее, но что-то меня остановило. Я будто приросла к ступеням и не могла, точнее, не хотела делать ни шагу.

Мне просто показалось. Я просто перенервничала. Наверное, и крови на кофте не было, мало ли в чем могла испачкаться эта девушка, а я напридумывала себе непонятно что.

Я успокоилась, насколько это было возможно, и все же от страха у меня едва не стучали зубы, а на глаза грозили выступить слезы. Упрямо фыркнув, я медленно вдохнула и выдохнула, а затем побежала вверх по улице. И чтобы согреться, и чтобы поскорее найти хоть кого-то... Хоть кого-то, кто мне поможет и кому не нужна будет моя помощь. Хотя выглядело все так, словно и той девушке мое участие совершенно не требовалось.

В конце переулка я увидела широкую дорогу, по которой проезжали автомобили. Передо мной развернулась улица, будто бы сшитая из неоновых лоскутов разных форм и размеров. Вывески кафе, баров, ночных клубов и хостелов горели желтым и красным, синим и фиолетовым. Людей, одетых, как я невольно отметила, весьма обычно, несмотря на поздний час, было много, и они явно не торопились по домам. Благодаря светящимся вывескам и луне... *двум лунам* я снова заметила, что во всех домах и строениях отсутствуют двери и окна. Решив пока не думать, что это значит и в каком районе Сеула очутилась, я наугад поспешила дальше...

– Айщ!

Вскрикнув, я отпрыгнула назад, из-за чего едва не налетела спиной на столб. Я во все глаза смотрела на проходящих мимо людей и уже даже не пыталась сдержать очередной крик.

Ведь онемела от шока.

У заполнивших улицу прохожих не было лиц. Лишь бледная кожа, лишенная глаз, носа, рта – даже их очертаний.

Мое сердце забилося вдвое быстрее, разгоняя кровь, к щекам прилил жар, но изнутри жалил холод, сковывая легкие. Казалось, я застыла, не могла сдвинуться с места, не могла оторвать взгляд от пугающего, отталкивающего зрелища.

Я испугалась настолько, что, оглянувшись на переулок, казавшийся до того мрачным и зловещим, а теперь – заманчиво безлюдным, захотела вернуться в него... И все же не стала.

Сжав кулаки, чтобы остановить дрожь в пальцах, я зло одернула себя, пытаясь не поддаваться то ли подступающей панике, то ли накатывающей истерике. И медленно прошла чуть дальше по улице.

Никто не обратил на меня ни малейшего внимания, и, приободренная таким безразличием, я направилась дальше, лавируя между безликими существами.

Нужно понять, что происходит, где я. В лучшем случае, конечно, выбраться или хотя бы найти помощь...

Хотя, судя по всему, мне надо наконец очнуться от затянувшегося бреда.

Идти в переполненные – скорее всего, такими же... *людьми* – кафе или ночные клубы я не хотела и, заметив небольшой круглосуточный магазин, решила зайти в него. Надежда, что я встречу хоть кого-то обычного, была пусть и слабее страха, но ее хватало, чтобы не останавливаться.

Приподняв бровь, я окинула взглядом лишенный двери проход, но отмахнулась от назойливых вопросов. Под яркими лампами стояли ровные ряды полок и холодильников, заполненных разнообразными продуктами. Покупателей не было, а касса оказалась пуста, но я почти сразу же разглядела женщину, расставляющую в холодильнике бутылки со сладкими напитками.

Подойдя к ней, я легонько постучала ее по плечу:

– Добрый вечер...

Женщина, выронив бутылку, мгновенно обернулась.

И выбила из-под моей решимости еще пару опор.

Я с придушенным вскриком отшатнулась, едва не смахнув локтем пачки рамена с ближайшей полки.

У женщины тоже не было лица – лишь бледная ровная кожа...

Она повела головой, будто оглядываясь, помедлила, а затем подняла с пола бутылку с персиковым чаем и, отвернувшись к холодильнику, продолжила работать.

Так и не отведя глаз от странного существа, я попятилась, чуть не ударившись об очередную полку, выскочила из магазина и пробежала пару десятков метров вниз по улице. Остановившись, я заозиралась...

И к своему ужасу, увидела еще нескольких людей... Людей без лиц! С гладкой кожей, словно натянутой на шар, а не на череп. Они шли прямо на меня, и я ощутила, что сердце, несмотря на то, как быстро стучит, готово в любой момент остановиться.

Не отдавая себе отчета, я вскрикнула, бросилась в сторону, пока эти существа не подобрались ко мне, и выскочила на дорогу. Я пробежала дальше, едва не попав под колеса такси, и ожидала услышать испуганные сигнальные гудки или сердитые ругательства водителя, но меня провожала тишина.

Оказавшись на противоположной стороне улицы, такой же затопленной поздними прохожими, я забежала в спасительный пустой переулок и, пытаясь восстановить сбитое от испуга дыхание, замерла у стены.

Что это было? Где я?

Я ничего не понимала, насквозь промерзла, перед глазами до сих пор стояло лицо Ку Ары, которую уволокли из подвала, и смутное воспоминание о том, как меня саму куда-то потащили. Все это вместе уводило землю из-под ног и заставляло кровь то кипеть от злости, то леденеть от ужаса.

– Хо-оль!¹⁷ Да что происходит?! – воскликнула я.

– Только очутилась здесь? – раздался мягкий, слегка отдающий насмешкой голос.

Я вскинула голову, всматриваясь в того, кто появился из-за угла. Я напряглась и приготовилась сама не знаю к чему, но с облегчением отметила, что стоящий метрах в трех от меня незнакомец выглядел абсолютно нормально.

У него было лицо – даже не думала, что когда-то обращу на это особое внимание! – причем весьма привлекательное, с точеными чертами и идеальной кожей. На тонком носу сидели очки в золотистой оправе, губы были растянуты в легкой веселой улыбке, а средней длины волосы лежали в аккуратной небрежности. Незнакомец выглядел старше меня, но моложе тридцати, навскидку лет на двадцать шесть – двадцать семь. Я невольно отметила, какой он ухоженный, как почти элегантно одет: в бежевую рубашку поверх белой водолазки, брюки в цвет и лоферы из рыжей замши, а через плечо у него была перекинута кожаная сумка.

Незнакомец без стеснения меня разглядывал, и на его лице читался интерес, вот только в чертах и взгляде я уловила какое-то напряжение или же подозрение... Я не смогла понять точно, что именно.

– Где «здесь»?

– В мире духов, – ответил незнакомец и, помедлив, спросил: – Кто ты?

Пару мгновений я молча смотрела на этого парня, не понимая, ослышалась или нет. Он сказал «мир духов»?..

Он решил пошутить? Или сумасшедший? Или же... он сказал правду?

Невольно я подумала об обереге, который подарила мне Дживон, моя знакомая и ученица шаманки, вспомнила свои странные сны, людей без лиц и две луны.

Я вроде как верила в жизнь после смерти. Верила в шаманов и духов. Ну, почти что. Думала, что верю. Но сейчас поняла, что, видимо, на самом деле не верила.

– Где? – переспросила я.

– Я ответил на твой вопрос, теперь твоя очередь.

Незнакомец сделал полшага вперед и приподнял руку, будто хотел ко мне прикоснуться, но резко опустил ее.

– Меня зовут Хван Йерим. Так что...

– Хан Ханьль, – кивнул незнакомец в ответ. – Я же сказал, мы в мире духов. Ты, я, другие «жители», – он неопределенно махнул рукой, – все мы те или иные духи, но одинаковы в том, что не нашли покой после смерти. А вот люди без лиц пока еще счастливы... Или же нет? Это как посмотреть... Но я имею в виду, что они живы и все еще в мире людей.

Я шагнула назад, моя рука, до того упиравшаяся в стену, обессиленно упала и повисла вдоль тела.

«Мы те или иные духи, но одинаковы в том, что не нашли покой после смерти», – раздался в моей голове голос Хан Ханьля.

– Я не умерла, – возразила я раньше, чем успела осмыслить то, что решила сказать.

– Жаль тебя расстраивать. – Ханьль развел руками и сделал два медленных шага, приближаясь ко мне.

Теперь веселья в его улыбке поубавилось, и она стала казаться натянутой.

¹⁷ Холь (#) – сленговое корейское междометие, одно из самых универсальных; используется в неформальной речи для выражения крайнего удивления, связанного в том числе и с негативными событиями.

Нахмурившись, я опустила взгляд. Я не верила словам этого Хан Ханьяля, но не могла выкинуть из головы странность всего вокруг. Две луны, кровавые слезы незнакомки, отсутствие окон и дверей, люди без лиц... Не могла не подумать о том, что меня похитили и держали в каком-то подвале, как и о том, чем такие похищения заканчиваются...

Я ведь не могла сойти с ума? Я ведь не могла видеть настолько правдоподобный кошмар? Я ведь не могла... умереть?

Нет!

На все вопросы: *нет*.

Ханьяль остановился в метре от меня и изучающе оглядел с головы до ног. Я прищурилась, отвечая на его взгляд:

– Ты чего так смотришь?

Ханьяль отвел глаза и качнул головой:

– Ничего...

– Ты знаешь, как отсюда выбраться?

Я уже почти признала, что очутилась в непонятном месте, которое вряд ли было тем, к чему я, скажем так, привыкла, но признавать свою смерть не собиралась. Не имела ни малейшего понятия, как здесь оказалась, но понимала, что должна вернуться.

Ханьяль удивленно вскинул брови, и у него вырвался короткий смешок, как мне показалось, нервный. Помахав рукой, он прикрыл рот ладонью.

– Прости, я смеялся не над тобой... Просто твой вопрос... Знаешь, я ведь сам хочу отсюда выбраться.

Я тут же сделала шаг ближе к Ханьялю, с надеждой смотря на него:

– Ты знаешь, как это сделать?

– Мм... Скажем так: лишь в общих чертах. Но мне *очень* нужно покинуть мир духов, поэтому я решил попробовать, – вновь отведя взгляд, ответил он.

– И как? – нетерпеливо уточнила я.

Ханьяль вздохнул, а после посмотрел мне за спину и напряженно прищурился. Я невольно оглянулась, а когда вновь глянула на Ханьяля, то, вскрикнув, резко отскочила от него.

В его руке оказался складной нож, который он, видимо, вытащил из сумки или кармана, когда я отвернулась. Ханьяль замахнулся, целясь прямо в меня, но я вовремя уклонилась.

– Эй! С ума сошел?! – воскликнула я больше в возмущении, чем от страха.

– Ничего личного.

Его голос был все таким же невозмутимым, но натянутая улыбка исчезла – ее сменила холодная решимость.

Ханьяль вновь взмахнул ножом, но я, ударив его по запястью, выбила нож, а затем, воспользовавшись растерянностью неудавшегося – по крайней мере, *пока* – убийцы, отточенным движением ударила его кулаком в челюсть. Ханьяль отшатнулся и налетел на стену дома, а я побежала к концу переулочка, на бегу подхватив упавший нож. Я подозревала, что этот псих может попробовать догнать меня, а потому было бы опрометчиво оставлять ему оружие.

Я действовала на адреналине и из-за этого на какое-то время позабыла обо всех чувствах, лишние здесь и сейчас, более того, мне помогла выработанная долгими тренировками уверенность в движениях... Но теперь, убегая, я ощутила, как клубящееся внутри меня напряжение взорвалось, вновь превращаясь в страх. Но уже в иной.

Меня только что пытались убить.

Незнакомец, показавшийся не опасным, вполне приятным и даже привлекательным, почему-то попытался меня зарезать. Не замедляясь, я покосилась на складной нож, который держала в руке, и его рукоять обожгла мне пальцы, но я лишь сжала ее еще крепче.

Оглянувшись, я увидела, что Ханьль побежал следом, и тогда завернула в первый попавшийся переулок. Смысла убежать по прямой не было: на ней не скрыться, ведь Ханьль сразу увидит, куда я забежала.

Я не знала, могу ли попросить у кого-то помощи, мне необходимо было оторваться и где-то спрятаться. Если же этот псих догонит меня и снова попытается убить... я вырублю его и сбегу. Но это рискованно, очень рискованно, а потому сейчас, когда еще оставался шанс обойтись без драки, я хотела им воспользоваться. Занятия боксом могли оказаться преимуществом, но я не знала, на что способен Ханьль. Помимо того, чтобы пырнуть кого-то ножом... Возможно, мне лишь повезло, и я просто застала этого психа врасплох, но раз теперь он знает, что я могу дать сдачи, не будет так легкомыслен.

Я не успела в полной мере оценить Ханьля, заметила лишь, что он высокий и стройный, при этом спортивный, так что вполне может стать серьезным соперником. И бежал этот псих быстро, что доказывало: он в хорошей физической форме.

Оглянувшись, я вновь увидела преследующего меня Ханьля, причем дистанция между нами сокращалась. Вновь посмотрев вперед, я едва успела отскочить в сторону, потому что прямо на меня несся на скутере доставщик. Решив больше не отвлекаться, я рванула по лестнице, перепрыгивая через ступеньку.

– Эй, Хван Йерим! Да стой же ты!

Он правда думает, что я послушаюсь и дождусь его на месте?

Я не стала ничего отвечать, хотя хотелось либо съязвить, либо послать этого психа куда подальше. Но глупо было тратить дыхание, а потому я, попытавшись ускориться, вновь завернула за угол и пнула гору картонных коробок у стены, чтобы хоть как-то загородить проход.

Изгибающиеся узкие улицы со стоящими вплотную друг к другу домами, крутыми лестницами и редкими прохожими могли стать для меня как спасительным лабиринтом, так и ловушкой. Я искренне надеялась, что не забегу в тупик.

Пока Ханьль не повернул в тот же переулок, я со всех ног бросилась к следующей развилке – та была достаточно близко – и резко завернула налево. У этого психа явно были проблемы с логикой, раз он попытался меня *убить*, хотя до этого заявил, что мы все здесь *мертвы*, и я надеялась, что не меньшие проблемы у него с интуицией, и он повернет направо.

Не сбавляя шага, я лихорадочно размышляла, где спрятаться, но каждый дом с темными дырами вместо дверей и окон казался мне мышеловкой, только и ждущей, чтобы я попалась. А в тех домах, где свет все же горел, я замечала безликих людей, к которым не рисковала приближаться. Это было еще страшнее, чем подождать, пока меня догонит Ханьль.

Может, в какой-то степени я даже хотела, чтобы он меня догнал. Чтобы еще раз хорошенько ему врезать.

Внезапно из-за ограды перед одним из домов кто-то вышел, и я налетела на него, едва не сбив с ног.

– Простите! – бросила я и хотела побежать дальше, но человек схватил меня за руку.

Это оказалась девушка лет восемнадцати, среднего роста и хрупкого телосложения, с небольшим аккуратным лицом с легкой россыпью веснушек на носу и волнистыми каштановыми волосами, украшенными широким голубым ободком. Я отметила, что одета она старомодно: в белую блузку, перетянутую на талии широким поясом, в цветочную бледно-голубую юбку чуть ниже колена и в туфли на невысоком каблук.

– Постой, – попросила она. – Куда ты так бежишь?

Ее голос был мелодичным и размеренным, без окраски чувствами, словно незнакомка и не удивилась, и не испугалась, и не заинтересовалась.

Но вот я очень даже удивилась, когда она вдруг со мной заговорила. Я сразу вспомнила ту, которая смотрела в пустоту, а затем вдруг заплакала кровавыми слезами. Но ведь со мной

говорил и Ханьль... Правда, потом он попытался меня убить, так что диалог с ним тоже не задался.

Я невольно напряглась, пристально смотря на незнакомку, но не торопилась вырывать руку из ее и так слабой хватки, чтобы не провоцировать. Хотя в данном случае слово «провоцировать» не подходило. Я была на полголовы выше этой худенькой девушки, и та смотрела на меня снизу вверх затуманенным взглядом, который в сочетании с изящными чертами делал ее похожей на олененка.

– За мной гонятся, – прошептала я.

Девушка в удивлении приподняла тонкие брови, нахмурилась, поджав губы, а после махнула рукой в сторону дома, из которого вышла:

– Иди туда.

Я не стала спорить, потому что была уверена: Ханьль вот-вот появится из-за угла. Нырнув за ограду, я тут же бросилась к одноэтажному дому с черепичной крышей и, забежав внутрь, присела под окном. Ни двери, ни штор не было, так что спрятать меня могла только стена.

– Ты не видела здесь девушку? – буквально через пару ударов моего сердца раздался с улицы знакомый голос.

Я зло поморщилась. Чокнутый придурок. На вид такой красивый и стильный, а оказался психом-преследователем. Прямо маньяк из драмы, но нравятся мне такие только на экране. Не знаю, где я очутилась, ведь в рассказе Ханьля не поверила, но если здесь есть полиция, я обязательно заявлю на этого сумасшедшего.

– Девушку? – отозвалась незнакомка.

– Да. Высокая, черные волосы до подбородка, у лица розовые пряди, одета в фиолетовую ветровку и джинсы, – медленно, словно объясняя что-то глупому ребенку, перечислил Ханьль.

– Никого не видела, – спустя несколько мгновений рассеянно ответила незнакомка. – Я просто иду искать. И не могу найти.

– Хорошо-хорошо, понял, – нетерпеливо отмахнулся Ханьль. – Точно не видела? Она здесь не пробежала?

– Не пробежала. Я видела живых. Мертвых не видела.

Я услышала, как Ханьль цокнул, вздохнул и что-то невнятно пробормотал себе под нос, явно раздосадованный.

– Будешь искать? – меланхолично спросила его девушка. – Я вот ищу.

– Я понял, – недовольно бросил Ханьль. – Ты не одна что-то или кого-то ищешь. Теперь и мне придется. Она ведь даже нож у меня забрала... Где я теперь найду железо, к которому смогу прикоснуться?

Вновь удрученно вздохнув, Ханьль замолчал. Я прислушалась, но не уловила звука его шагов, а потому не стала торопиться и продолжила сидеть у стены. Спустя короткое время рядом бесшумно появилась пришедшая мне на помощь девушка.

– Он ушел, – сказала она, смотря на меня сверху вниз несколько расфокусированным взглядом.

– Точно?

– Точно. – Она выглянула в окно. – Но он будет тебя искать. Зачем?

– Не знаю. – Мой голос подрагивал от холода, который вновь напал на меня, стоило посидеть без движения на промерзшем полу, и я поспешно встала. – Но этот придурок хотел меня убить.

– Он бы не смог, ты же мертвая. Значит, он хотел не убить тебя.

Я прикрыла глаза. И она туда же.

Я подавила возмущение и оставила при себе аргументы против того, что мертва, и вместо этого уточнила:

– Тогда чего он хотел?

Девушка задумалась и почти печально протянула:

– Не знаю, но ты бы, скорее всего, исчезла...

Я растерялась, не зная, как комментировать такой ответ. У меня не нашлось слов, но внезапно захотелось рассмеяться. Я прикрыла рот ладонью, скрывая нервную улыбку, и с трудом подавила смех, вызванный абсурдностью происходящего.

– Меня зовут Ён Нахи. Я старше, но можем говорить неформально. А ты?

– Хван Йерим. – Я слегка поклонилась. – Спасибо за помощь! Я правда очень благодарна. Но... Мне кажется, я все-таки старше. Какого ты года рождения?

Нахи склонила голову набок и окинула меня удивленным взглядом, а затем всмотрелась мне в лицо:

– Сколько тебе лет?

– Двадцать два.

– Я намного старше, – повторила Нахи. Она нахмурилась. – Хм... Я не помню, сколько мне лет, но я старше. Полагаю, я умерла раньше, чем ты родилась.

– Почему ты тоже это говоришь! – воскликнула я.

Отступивший на время страх вернулся, слившись с холодом, и меня затрясло еще сильнее.

– Что? – не поняла Нахи.

– Что ты мертва! И ты так говоришь, и тот псих так сказал! Он еще сказал, что я тоже умерла! – Я повысила голос, и в нем послышались слезы, которые я тщательно сдерживала.

Нахи посмотрела на меня так, будто я сказала какую-то глупость.

– Мы говорим это, потому что мы умерли. Я помню. Я еще не забыла... Но... – Она наморщила лоб, напряженно о чем-то задумавшись. – Я не помню... Не могу вспомнить...

Ее голос стал тише, невнятнее. Нахи замолчала, отстраненно уставившись в стену и даже не моргая. Из-за этого мне стало не по себе, а тихий голос в голове посоветовал поскорее убираться... Я подавила желание помахать ладонью перед лицом Нахи и вместо этого лишь осторожно ткнула ее пальцем в плечо, привлекая к себе внимание.

– Что ты забыла? О чем? – настороженно спросила я.

– Я забыла? – не поняла Нахи. – Я ищу кое-кого.

– Ты ведь сказала... – Я глубоко вздохнула. – Не важно. Без разницы. Проехали.

Я решила не уточнять, кого она ищет. Просто чувствовала, что пока мне не стоит спрашивать о чем-либо еще, если я не хочу довести себя до истерики. А Ханьль и Нахи почти что довели меня. И помогли им в этом безликие чудовища.

– Кстати, а те существа без лиц, что это? – все-таки рискнула узнать я.

– Живые, – небрежно бросила Нахи.

– Ладно, зря спросила, – расстроено пробормотала я.

Не хотела ведь спрашивать... И кто тянул меня за язык? Теперь убеждать себя в том, что тот псих наговорил мне какой-то бред, стало сложнее. Потому что Нахи, сама того не подозревая, подтвердила его слова.

– Еще раз спасибо... онни, – искренне поблагодарила я, после чего обогнула Нахи и вышла из дома, в котором пряталась.

Я уже не волновалась, что пересекусь с Ханьлем. Он наверняка отправился искать меня в ложном направлении... Пусть потеряется! Ему повезет, если мы с ним больше не встретимся и у меня не будет шанса выбить ему зубы...

Хоть я храбрилась, на самом деле покушение этого психа серьезно ударило по моему и так пошедшему трещинами самообладанию. Я держалась, но делать это становилось все сложнее, словно я висела над пропастью, цепляясь за отвесную скалу, и быстро слабела, рискуя вот-вот сорваться.

– Ты куда? – догнала меня Нахи.

– Даже не знаю.

А куда я отправилась? Куда мне идти? Что делать? Я решила во что бы то ни стало выбраться из этого странного места, но даже не знала, с чего начать.

– Пойду домой, – решила я, и эта мысль меня приободрила. – Мама наверняка волнуется, куда я пропала.

На самом деле вряд ли мама действительно переживала, что я задержалась после работы. Она вполне могла решить, что мне пришлось остаться в магазине на подольше или же что я встречаюсь с Юной. Но если не вернусь к следующему вечеру... Если не появлюсь на работе... Не напишу и не позвоню... Мама точно забеспокоится. Еще не хватало, чтобы она заявила в полицию о моей пропаже. Конечно, неплохо, если кто-то будет меня искать, вот только полиция не отправляет поисковые отряды в странные места с двумя лунами и безликими... кем бы они ни были.

– Ты знаешь, где твой дом? – удивилась Нахи.

Я шла быстро, подскакивая через шаг, чтобы согреться, и ей приходилось торопиться, чтобы поспевать за мной.

– Я не так хорошо ориентируюсь в Сеуле, чтобы точно знать, где сейчас нахожусь... – поморщилась я. – И этот квартал не узнаю. Но делать мне все равно нечего. Не думаю, что отсюда так уж сложно дойти до какой-нибудь станции метро или автобусной остановки, а там уже разберусь.

– Нет-нет, – покачала головой Нахи. – Ты *знаешь*, где живешь? Я не знаю.

Я в замешательстве посмотрела на нее, а потом вздохнула. Точно. Она же немного не в себе. Но не пыталась меня убить, и на том спасибо. Хотя от того психа я, получается, уже знала, чего могу ожидать, а от Нахи – нет.

Я невольно глянула на складной нож в своей руке.

– Не знаешь? – осторожно переспросила я. – Ты имеешь в виду, что забыла?

Нахи задумалась. Тем временем мы завернули за угол и направились в сторону более широкой улицы – плутать по закоулкам смысла не было. Я старалась не рассматривать окна без стекол и проемы без дверей, не поднимать голову к красивому, но жуткому угольно-черному небу и даже не коситься в сторону изредка попадающихся безликих. От их вида меня бросало то в жар, то в холод.

– Наверное, забыла, – безразлично согласилась Нахи.

– И тебя это не волнует? – растерялась я.

– А почему должно?

Я провела ладонью по лицу. Хорошо, лучше мне не задавать ей подобные уточняющие вопросы.

– То есть ты... мертва? – все же не удержалась я, сама не веря в то, что говорю.

– Да. И ты тоже.

– Я – нет, – отрезала я. – Не обижайся, но не расскажешь, как ты умерла?

Я думала, что не стоит ее расспрашивать, но страх улегся, и истерика уже не предвиделась, а мне вдруг стало любопытно, что Нахи ответит. Я не волновалась, что задену ее чувства, потому что до этого она сама называла себя мертвой с той же естественностью, с какой я могла бы рассказать о работе в супермаркете.

Нахи и правда не обиделась, лишь склонила голову набок, вспоминая или раздумывая над ответом.

– Меня убили. Кто же это был... Я не знаю. Наверное, его посадили в тюрьму. А может, и нет. Сколько лет прошло? Надеюсь, он уже умер.

Я нахмурилась, с сожалением и печалью покосившись на невозмутимую Нахи. Ее убили... На ум почти сразу же пришел образ Ку Ары...

А затем я резко одернула себя. Неужели я действительно верю, что Нахи убили?! Неужели верю, что прямо сейчас разговариваю с духом?!

Стереть эту мысль из головы было невозможно, словно ее вывели перманентным маркером, и мне вдруг стало любопытно... А как тут очутился Ханьль? Он молод, так что его тоже могли убить. Он ведь к тому же не выглядел как человек, страдающий от проблем со здоровьем. Разве что с ментальным. Хотя существовала вероятность, и, пожалуй, куда более высокая, что этот придурок погиб в результате несчастного случая.

Пока я размышляла, мы вышли на новую широкую улицу и побрели вдоль дороги. Мимо проезжали автомобили и автобусы с безликими водителями, такие же безликие пешеходы проходили совсем рядом, так что приходилось оглядывать их по широкой дуге, и в один момент мне показалось, что я все же чуть-чуть привыкла к их виду. Но лишь капельку... Поэтому обморок мне не грозил, но все тело пробирал озноб.

Я также увидела вполне обычного человека: мужчину лет шестидесяти, который, сильно сутулясь, брел, что-то бормоча себе под нос. Ведь нос у него был. И даже глаза и рот. Какое, оказывается, приятное зрелище!

И наконец я заметила вход на станцию метро! «Силлим»...¹⁸ Я мысленно представила карту и, пусть в памяти она нарисовалась покрытая белыми пятнами, поняла, что оказалась в одном из кварталов Кванак-ку¹⁹. И как меня сюда занесло из Погвандона?²⁰ На другой берег реки Хан, из центрального района на юг?..

Хотя я помнила как. Вот только не понимала зачем.

Слишком много вопросов, слишком много...

Еще я заметила, хоть и не сразу, одну странность. Не более странную, чем остальное, но весьма необычную: звуки. Они были каким-то... слишком тихими. Звук проезжающих мимо машин, звук голосов прохожих... Они походили на запись, громкость которой убавили. Словно я смотрела дораму и поставила звук на минимум.

– Ты будешь идти за мной? – спросила я, чтобы прервать затянувшееся молчание.

– Ты против? – отозвалась Нахи.

– Нет. Вместе не так... страшно. Просто мне интересно, почему ты меня провожаешь.

– Я кое-кого ищу, – пожалала плечами Нахи. – Но не знаю, куда идти. Почему бы не идти вместе с тобой?

– И правда, – согласилась я и снова решила на риск в виде уточняющего вопроса: – А кого ты ищешь? Своего... убийцу?

– Нет. – Нахи вдруг слабо улыбнулась, но больше ничего не сказала, а я решила не допытываться. Мало ли в какие дебри меня заведут ее ответы.

Мы почти дошли до спуска в метро, и внезапно из-за угла вышел очередной не обделенный лицом человек – вот только от его вида я не сдержала крик и отпрыгнула назад.

Это был мужчина лет тридцати. Его шея была неестественно, слишком сильно вывернута вбок, правая рука – согнута в двух местах, а нога волочилась по асфальту и то и дело изгибалась так, словно вместо коленной чашечки у мужчины был шарнир.

– Что такое? – испугалась Нахи.

– Он... Он... – Я указала пальцем на переломанного мужчину и сделала два шага назад, выскочив на дорогу.

¹⁸ Станция «Силлим» (###) – станция метро в Силлимдоне (###), плотно населенном квартале на юге Сеула, известном, в частности, дешевым жильем.

¹⁹ Кванак-ку (###) – один из 25 районов Сеула, расположенный в южной части города. Густонаселенный район, популярный среди студентов и молодежи благодаря доступному жилью и оживленной атмосфере; сочетает современные студенческие микрорайоны и старые жилые кварталы.

²⁰ Погвандон (###) – квартал в центральном районе Ёнсан; расположен к югу от Намсан и граничит с Итхэвоном. Отличается значительным количеством старых домов и одними из самых низких цен на жилье в центральных районах Сеула.

Мимо проехало такси, едва не задев меня, от чего меня бросило в холодный пот, и я, вновь вскрикнув, прыгнула обратно на тротуар, хватаясь за ткань ветровки на груди. Мне казалось, сердце скоро не выдержит.

– А что с ним? – не поняла Нахи.

Она совершенно спокойно проводила взглядом искалеченного мужчину, который медленно прошел мимо, не обращая на нас никакого внимания.

Нахи, будто только сейчас осознав, приподняла брови:

– Ты испугалась *его*? Но почему?

Я округлила глаза, отвечая на ее вопрос ошеломленным взглядом. Она действительно не понимала, почему я его испугалась?

Голова, казалось, вот-вот расколется на несколько частей, и я, прижав пальцы к вискам, зажмурилась. Вот – еще одно доказательство, что я жива. Сомневаюсь, что мертвые чувствуют головную боль. Я едва не спросила об этом у Нахи, но передумала. Не хочу знать, что она мне ответит. Только не сейчас.

Мелко дрожа, я проводила мужчину... получается, духа, взглядом, но резко отвернулась и глубоко задышала, пытаясь избавиться от тошноты.

– Знаешь... Мы здесь бродим... Но тут может быть очень опасно, – осторожно заметила Нахи. – Тебе не стоит вот так подолгу гулять.

– А у меня есть выбор? – усмехнулась я.

Но усмешка мгновенно стерлась с моего лица, стоило двум безликим ступить с лестницы в метро на улицу. Нахи удостоила их лишь мимолетным взглядом, но заметила очередную мою на них реакцию.

– Они нас не видят. И не могут навредить, – напомнила она и тихо вздохнула. – Как и помочь...

Я поморщилась. Может, для этой странной девушки такие странные люди привычны... Но вот для меня – нет. И даже если они не представляют ни малейшей угрозы, во что я пока не могла полностью поверить, приближаться к людям с пустыми лицами мне не хотелось.

Взяв себя в руки, я решила, что нужно продолжить путь, но помедлила, потому что представила, как много жутких... людей могут встретиться мне в метро. Вспомнив еще и про переломанного духа, я нервно огляделась, опасаясь, что увижу нечто подобное вновь... Получается, оглядываться не стоило, ведь так я увеличивала шансы заметить что-то пугающее, вот только сейчас моя логика и мои действия друг с другом не дружили.

Не успела я сделать и шага, как вдруг услышала странные звуки.

Скрежещущие и тонкие, напоминающие то пронзительный лай, то скрипучий визг, – от них у меня зашевелились волосы на голове.

А затем раздался звук уже вполне понятный: человеческий крик. Он вспорол тишину улицы, но потонул во все том же странном лае.

– Помогите!

Резко остановившись, я прислушалась, пытаясь понять, с какой стороны зовут на помощь, и, когда крик повторился, побежала в его направлении. Но уже через пару шагов Нахи неожиданно крепко схватила меня за руку. Удивленно обернувшись, я посмотрела на ее вцепившиеся в мое запястье тонкие пальцы, а после подняла взгляд к ее лицу и увидела, что оно, и так болезненно бледное, застыло от страха.

– Я же сказала: тут может быть очень опасно, – сдавленно прошептала Нахи и еще крепче схватила меня за руку. Ее затуманенные глаза прояснились от блеска страха. – *Это лисы*. Нужно бежать.

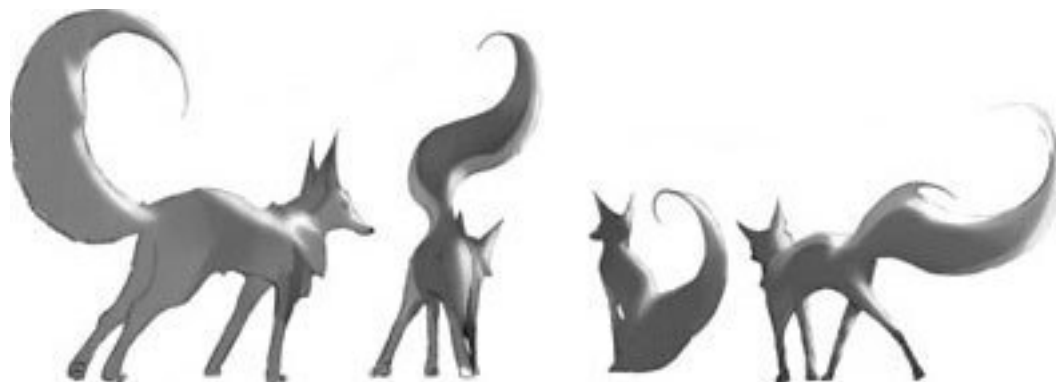
Меня охватило плохое предчувствие, но я сбросила оцепенение и высвободила руку.

– Кому-то необходима помощь, – твердо возразила я и, развернувшись, вновь побежала туда, откуда доносился призыв о помощи.

А также жутковатый лай... *лис*.

Пробежав около пятидесяти метров, я чуть не пронеслась мимо нужного поворота, но, затормозив, направилась по другой улице. И спустя несколько шагов увидела их.

Лис.

Глава 5

Я буду тебя защищать

Хван Йерим

Их было не меньше десятка. Невысокие, рыже-серые, с гладкой шерстью, лисы то пронзительно лаяли, то скалились и рычали. И в их кольцо оказался зажат мужчина. Его лицо было совершенно обычным, то есть с глазами, носом и всеми остальными необходимыми чертами, вот только искаженное от ужаса. А еще чуть в стороне я заметила высокого худого парня лет двадцати. Он прижался спиной к стене ближайшего дома, а к нему медленно подбирались еще две лисы.

На несколько секунд я растерянно замерла. И если честно, еще и испуганно.

Вдруг лисы бросились к первому мужчине и вцепились в его руки и ноги. Незнакомец закричал от боли, а из ран заструилась кровь, матовыми пятнами покрывая асфальт. Лисы взбесились еще сильнее и кинулись на мужчину все разом, раздирая его на части. Крики стали невыносимо пронзительными.

А меня замутило от ужаса и отвращения, и, если бы не пустой желудок, меня бы точно стошнило.

Силой воли я заставила себя собраться и кинулась вперед. Я понимала, что уже ничем не помогу этому мужчине, но надеялась помочь хотя бы второму парню. И спастись самой.

Я крепче сжала рукоять ножа, доставшегося мне от придурка Ханьяля, и, когда между мной и двумя лисами, не присоединившимися к остальной стае, осталось не больше пары метров, громко закричала:

– Эй! Эй, я здесь!

Не то чтобы я представляла, что делать дальше, но надеялась... просто надеялась, что справлюсь. Что бы кто ни говорил, я *жива* и умирать не собиралась.

Парень вскинул на меня взгляд – и удивления в нем стало даже больше, чем страха. Но я не отвлекалась, сосредоточив внимание на маленьких, но кровожадных существах.

Две лисы обернулись ко мне, угрожающе оскалившись, и одна из них пронзительно залаяла.

Я взмахнула ножом, и лисы, подавшись назад, припали к земле и зло зарычали. Тогда я сделала шаг вперед и в сторону, чтобы приблизиться к испуганному парню, но при этом заставить лис отступить. Те действительно медленно отошли еще чуть дальше, не сводя с меня взгляды мелких, кроваво-красных глаз.

А воздух продолжали наполнять крики заживо пожираемого мужчины. Вот только эти звуки становились все тише, и я понимала: когда лисы закончат, они переключатся на нас.

Меня в который раз пробила дрожь, но я лишь резче разрежала воздух лезвием:
– Отвалите! Убирайтесь!

Я махнула рукой, веля незнакомому парню подойти. Тот, внимательно следя за лисами, сначала моего жеста не заметил, но затем поспешно оторвался от стены и в два широких шага подошел ближе. Я могла похвастаться ростом, но этот худощавый парень возвышался надо мной как минимум на полголовы.

Вновь угрожающе взмахнув ножом, я начала отходить обратно.

– На счет три бежим, – прошептала я, и парень коротко кивнул. – Раз. Два... Три!

И мы понеслись вниз по улице.

Судя по звукам, лисы кинулись следом, причем не только первые две.

Мы быстро добежали до того поворота, где я проходила не так давно, и я бросилась обратно – туда, откуда пришла с Нахи. По крайней мере, я была уверена, что там нет тупиков. Или засады в виде еще одной стаи лис...

Скрипучий лай преследовал нас, смешиваясь со звуками моего сбившегося дыхания. Я бежала изо всех сил, и поначалу парень держался рядом, но вскоре начал отставать. Он явно был не в лучшей физической форме...

– Быстрее! – бросила я. – Не отставай!

Мы выбежали на широкую улицу, где виднелся вход в метро. Побегать туда?.. Вот только лисицы решили обогнуть нас, а потому отрезали от станции. Тогда я, не тратя драгоценные секунды, побежала прямо, но впереди располагалась дорога, а потому я резко затормозила, увидев оживленное движение. Выцветшие автомобили, утопающие в полумраке и посеребренные двумя лунами, и вновь эти люди без лиц...

И все-таки лисы были страшнее.

– Не останавливайся!

Теперь уже парень, схватив меня за руку, побежал вперед, буквально напролом, едва не попадая под колеса проезжавших автомобилей.

– Айщ! – Я вскрикнула и хотела было отшатнуться от одного из них, но незнакомец дернул меня за собой, и автомобиль пронесся менее чем в полуметре за моей спиной.

Наконец мы добрались до противоположной стороны улицы, едва не столкнувшись с группой безликих людей, и я позволила себе обернуться...

Семь лис замерли с другой стороны дороги, прожигая нас алыми взглядами. И вдруг, развернувшись, побежали в обратном направлении.

Сначала я стояла не шевелясь... а затем, шумно выдохнув, опустилась на асфальт, и нож выпал из задрожавших пальцев.

Это уже чересчур...

Откуда здесь стая бешеных лис-людоедов?

Хотя о чем я спрашиваю.

Подняв нож, я встала на ноги и обхватила себя руками. Адреналин схлынул, и я вновь почувствовала пробирающий до костей холод. Как и настороженность, а потому окинула незнакомое парня быстрым изучающим взглядом.

Он был высоким, с широкими плечами и, не могу отрицать, очень красивым – мог бы стать моделью. Вот только выглядел слишком худым, почти болезненно. Плавные черты его лица казались острее, словно отточенные этой худобой, а мягкая линия подбородка контрастировала со впалыми щеками. И оттого еще больше казались его и так большие глаза с двойным веком. Волосы спутанными прядями спадали на лоб и прикрывали уши, а иссиня-черные брови двумя четкими прямыми линиями подчеркивали белизну кожи.

Выглядел он совершенно безобидно, но я не могла полагаться на внешность. Хотя, судя по физической форме этого парня, в случае чего я без труда с ним разберусь.

– Спасибо вам, – поклонившись, неуверенно улыбнулся он.

Я молча кивнула – мне пока сложно было связать слова в нормальное предложение. Да и темы для него не находилось... Помимо очередных вопросов, задавать которые местным, по-видимому, бессмысленно.

Ответ про смерть не принимается.

Я заметила, что парень, нахмурившись, внимательно, почти напряженно вглядывается в мое лицо, и тогда посмотрела на него в ответ.

– Ты чего меня так рассматриваешь? – с подозрением уточнила я.

Я-то волновалась, что он может мне навредить, а вот он вряд ли должен меня опасаться. Не после того, как я его спасла.

– Эм... просто... – неуверенно начал парень, но прервался.

Он выглядел настороженным, но я не могла понять, в чем дело. Казалось, он пытается подобрать слова.

– У меня что, лицо пропало? – Я сказала это с легким смешком, но невольно провела указательным пальцем по носу.

– Нет, что вы... – неловко улыбнулся парень. – Я просто хотел спросить... Вы живая?

Я, приоткрыв рот, вскинула брови... а после шумно выдохнула от облегчения.

– Да! – Я откинула голову и устало провела рукой по лицу, но вновь посмотрела на своего нового знакомого. Почти с надеждой. – И ты тоже?

– Да-а... вроде бы. Я так думал. Но сейчас уже не уверен, – невесело усмехнулся он. И все же мой ответ, казалось, придал ему уверенности. – Как давно вы здесь оказались?

– Да вот совсем недавно. Не знаю, сколько времени прошло, наверное, не больше пары часов. – Я нервно пожала плечами. – А ты?

– Я? Кажется... кажется, пару недель... Тут сложно сказать. Часы не работают, а на небе всегда две луны.

– То есть солнца вообще никогда нет? Потрясающе!

Я досадливо поморщилась. Что за место такое... Этот парень здесь уже около двух недель, но я не хотела, *не собиралась* задерживаться в этой дыре так долго.

Мимо нас в разных направлениях прошли несколько безликих: девушка в школьной форме, мужчина в офисном костюме, женщина с группой детей примерно лет по десять-одиннадцать... но это если судить по росту. Лиц-то не было.

Я сдержала порыв зажмуриться, лишь поспешно отвела взгляд.

– Айщ, как же бесит... Давай отойдем куда-нибудь, – я неопределенно взмахнула рукой, – подальше.

– Идемте, – кивнул парень и, посмотрев по сторонам, повел меня в неизвестном направлении.

Мы прошли около пятидесяти метров и завернули на более узкую улицу, после чего, пройдя чуть глубже, вновь свернули и остановились за углом одного из зданий. Судя по стойке для меня, стоявшей рядом с отсутствующей дверью, это было кафе с разнообразием пибимбапов²¹. Людей вокруг пока не было, и мое изрядно пошатнувшееся за последние минуты самообладание несколько восстановило устойчивость.

– Две недели, говоришь? Но как ты сюда попал? То есть что перед этим с тобой случилось? – стоило нам остановиться, спросила я. – И кстати, как тебя зовут?

Я поняла, что, засыпая незнакомца вопросами, даже не узнала его имя и сама не представилась. Невежливо, хотя мне пока было не до вежливости.

– У Сончхоль. А ваше имя?

²¹ Пибимбап (###) – популярное корейское блюдо, состоящее из вареного риса, свежих или обжаренных овощей (морковь, шпинат, бамбук), мяса (чаще всего говядины), яичного желтка и специального соуса из острой красной пасты. Помимо традиционных ингредиентов, может также включать и другие.

– Меня зовут Хван Йерим. И кстати... сколько тебе лет? – с легким подозрением уточнила я, ведь под влиянием эмоций все это время говорила совершенно неформально. Сончхоль выглядел не старше меня, но мало ли...

– Мне девятнадцать, – помедлив, ответил он.

Мысленно я выдохнула: что ж, я старше.

– Ясно... Мне двадцать два. Так что там насчет моего вопроса? – Я вернулась к куда более важной теме. – Что с тобой произошло в «мире людей»? – Я, поморщившись, передразнила слова того психа Ханыля.

– Вы... вы мне не поверите... – протянул Сончхоль, отведя взгляд.

Я невольно взмахнула руками:

– Я сейчас спасла тебя от бешеных лис в не-Сеуле, над которым висят две луны, а по улицам гуляют люди, у которых нет ни глаз, ни носа! Не говори мне, что я чему-то сейчас не поверю!

– А если вам скажут, что вы умерли? – Теперь в голосе Сончхоля я уловила беззлобную издевку и ответила на нее мрачным взглядом.

– Это другое, – отрезала я. – Ответ на вопрос. Я тебе жизнь спасла, можешь отплатить хотя бы парой ответов.

– Хорошо-хорошо! – Сончхоль приподнял руки в примирительном жесте. – Не хотел вас обидеть. Я шел по улице и увидел... сон-гакси²². А после этого уже ничего не помню. Только как открыл глаза здесь.

– Сон-гакси? Серьезно? – удивилась я.

– Я же говорил, вы мне не поверите.

– Я не говорю, что не верю, просто... ты на самом деле видел духа? И как ты понял, что это именно сон-гакси? Нет, не так. Почему ты вообще ее увидел?

Поверить словам Сончхоля о том, что он увидел духа, оказалось для меня не так уж и сложно. И не только из-за всего происходящего. Я с детства если и не верила в потустороннее всем сердцем, то по меньшей мере *допускала вероятность* его существования. А теперь и подавно... Меня всегда интересовал шаманизм, увлекала мистика, вот только мама это, мягко говоря, не одобряла. Она не просто ни во что подобное не верила, даже малейшее упоминание, к примеру, какого-нибудь шаманского обряда во время праздника ее до жути злило.

Хотя по моим смутным, затуманенным как почти десятком лет, так и болезнью воспоминаниям... один раз мама в этом своем принципе допустила исключение. И отвела меня к шаману. Вроде бы. Я плохо помню тот день, возможно, он вообще был или моим сном, или плодом разгоряченного странной болезнью воображения. Я пыталась узнать об этом у мамы, но она каждый раз на корню обрубала любые подобные разговоры, превращая их в ссоры... И я перестала спрашивать.

Я привыкла жить с мыслью, что не могу отделить часть своих воспоминаний от старых болезненных кошмаров. Которые вновь напомнили о себе в последние несколько недель.

– Не знаю, верите ли вы в подобное, но я медиум. – Голос Сончхоля, спокойный и мягкий, прозвучал уверенно. Будто он не беспокоился, что я могу посмеяться над ним за такие слова или же назвать лжецом. – Поэтому и вижу духов. И не только. А сон-гакси узнать легко. Девушка с длинными черными волосами в белоснежном ханбоке...²³ у того духа на лице даже были следы кровавых слез, – с сожалением вздохнул Сончхоль. Кажется, ему было искренне жаль ту сон-гакси.

²² Сон-гакси (###) – одно из названий духа девушки, погибшей до того, как успела выйти замуж.

²³ Ханбок (##) – традиционная корейская одежда. Ханбок состоит из нескольких элементов: у женщин – чогири (верхняя часть) и чхима (юбка), у мужчин – чогири и паджи (нижняя часть, штаны). Обычно шьется из натуральных тканей сочетающихся друг с другом оттенков.

– Она могла стать причиной того, что ты попал сюда? Или дело в том, что ты медиум? – задумалась я.

– Не знаю, – признал Сончхоль. – У меня не было наставника или еще кого-то, чтобы о таком рассказать. Я лишь вижу духов. И про это место не имел ни малейшего представления. Вернее, не знаю, что это и как отсюда выбраться. Но некоторые его особенности уже успел понять, – обнадеживающе заверил он. – Так что, если позволите, могу вам помочь.

– Спасибо... – рассеянно поблагодарила я, занятая размышлениями.

Сончхоль – медиум. Но я-то нет. Или да, просто не знаю об этом? Хотя за всю свою жизнь я ни разу не видела ничего сверхъестественного. А то... Нет, это другое. То были галлюцинации. И все равно во время них я не видела духов.

Вряд ли, если... *раз* духи существуют, я просто ни с одним из них не столкнулась. Нет, здесь что-то другое.

– А что произошло с вами? – поинтересовался Сончхоль. – Если это, конечно, не секрет.

От этого вопроса меня в одно мгновение затопила злость, готовая вылиться изо рта не самыми красивыми словами. Но злость не на Сончхоля, а на того маньяка... Сейчас он был далеко, так что страх из глубин моей души не поднялся, разве что ненавязчиво напомнил о себе легкой саднящей болью в груди. Но вот гнев... он меня буквально душил.

Я едва не заскрежетала зубами, но вдруг почувствовала, как защипало глаза. От слез, которым я не позволю пролиться.

– Госпожа Хван, с вами все хорошо? – озадаченно спросил Сончхоль, и в его голосе мелькнул намек на волнение.

Я тряхнула головой и попыталась улыбнуться. Судя по лицу Сончхоля, все такому же обеспокоенному, вышло у меня так себе.

– Меня похитили, – нарочито невозмутимо ответила я. – Не знаю кто и зачем... Похитил и запер в каком-то подвале. А затем вырубил. Пришла в себя я уже здесь.

– Какой кошмар... – выдохнул Сончхоль, округлив глаза. – Надеюсь, с вами на самом деле все в порядке.

– Напекаешь, что я действительно могу быть мертва? – возмутилась я. – Даже не вздумай!

И все же такая мысль появилась и у меня... Но я не позволяла ей засиживаться в голове.

– Нет, что вы, – возразил Сончхоль. – Просто... непонятно же, что с вами, что со мной... Мало ли...

Я смерила его предупреждающим взглядом, недвусмысленно намекающим, что я и слышать не хочу о смерти, а после поежилась от холода. Как он мне надоел.

– И как ты не мерзнешь? – удивилась я.

Мне от одного взгляда на Сончхоля становилось холоднее: он был одет в свободную светло-зеленую футболку и джинсы.

– На самом деле очень даже мерзну, – поморщился тот и потер ладонями худые предплечья. – Но приходится терпеть холод. Одежду здесь взять негде.

– Негде взять одежду? – Я едва не застонала от недовольства и разочарования. – А что насчет еды? Я не ела... Да я даже перед тем, как меня похитили, толком не ела, а сколько с того времени прошло? Умираю с голоду.

– Понимаю, – хрипло отозвался Сончхоль, и его взгляд заметно потемнел, но лишь на пару мгновений. – Еда есть, но только...

– Кстати! – перебила я, когда в голове ярким фейерверком взорвалась неожиданная и одновременно довольно очевидная мысль. – Вот еще подтверждение, что я жива! И ты тоже. Я голодна и мерзну. Ты мерзнешь?

Сончхоль кивнул.

– А есть хочешь?

Он вновь ответил кивком.

– Вот видишь! Те, кто умер, не должны чувствовать ни голод, ни холод!

– Обнадеживающая логика, но, боюсь, ошибочная, – коротко улыбнулся Сончхоль и обхватил себя руками. – Что тогда говорить о концепции ада? В разных религиях и верованиях. Души мертвых страдают и от огня, и от холода, и от голода...

– Хватит, – теперь уже действительно застонав, попросила я. – Просто скажи, ты думаешь, что умер? Сам же спросил, жива ли я!

– Нет, конечно, нет, я просто сказал... Если уж размышлять, то не сворачивая и не углубляясь в заведомо неверных направлениях, – теперь уже с широкой улыбкой заметил он.

– Мне бы твой оптимизм, – пробормотала я и уже громче добавила: – Ты что-то говорил про еду... Поможешь?

– Разумеется! – с готовностью откликнулся Сончхоль. – Это меньшее, что я могу сделать, чтобы отблагодарить вас за спасение, госпожа Хван. И к вопросу о голоде и жизни... Местным духам тоже нужна еда. Правда, не всем.

– Духам нужна еда?

– Да. И для нас единственный способ найти здесь еду точно такой же, как и для них. На столах с подношениями.

– На... – Я прервалась, поняв, что вновь едва не переспросила Сончхоля. – Холь, что за...

Я же не мертвая. Но могу питаться только едой-подношением... для мертвых?

– Но я ведь жива. Никто не будет чтить мою память и устраивать чесу!²⁴

– Не переживайте, – поспешил успокоить меня Сончхоль. – Подойдут любые подношения. Просто... придется их поискать.

Он почти виновато пожал плечами.

– То есть мы должны забирать чужие подношения? – От одной мысли об этом мне стало по меньшей мере... неудобно.

– Если хотим выжить, да. Далеко не все духи задерживаются... здесь. Самое *забавное*, что большинства из тех, память о ком хранят и чтут, в этом месте нет, и подношения для них не имеют никакого смысла, лишь для их живых родных и близких, для их утешения или же сохранения воспоминаний... А вот те, кто застрял здесь, чаще всего забыты и одиноки, а потому предоставлены лишь себе...

Сончхоль отвел взгляд и резко помрачнел. Даже его голос изменился, став тише и глуше. Но затем он словно сбросил с себя эту угрюмость, развеял ее мягким светом вернувшейся на лицо улыбки.

– Как-то так, – закончил он и вновь начал растирать руки в попытках согреться.

– Понятно... – протянула я, хотя многое мне все еще оставалось непонятно.

Но меня радовало уже то, что я здесь не одна нормальная. Хотя, конечно, мне было жаль Сончхоля... лучше бы мы оба оставались дома.

– Тогда, может... сможешь мне найти еду? – попросила я. – Давай так: будем держаться вместе. Вообще, ты мой должник, так что обязан помочь. Но и в целом нам, живым и... адекватным, лучше держаться рядом. И чтобы справиться здесь со всем, и чтобы разобраться, как мы можем выбраться. Ты ведь не хочешь и дальше один тут среди разных психов и призраков гулять?

– Не хочу, – согласился он.

– Вот и отлично. Это взаимовыгодно. Ты сможешь мне здесь освоиться, раз пока мы не знаем, как вернуться домой, а я... я буду тебя защищать.

– Что? – вскинул брови Сончхоль. Он явно растерялся. – *Защищать* меня?

– Ну да, – пожал плечами я. – Как недавно от тех лисиц. Не обижайся, но... – Я окинула его придиричивым взглядом. – Но ты не выглядишь как тот, кто может за себя постоять. На

²⁴ Чеса (##) – поминальная церемония поклонения предкам.

меня, стоило только-только появиться здесь, сразу напал какой-то ненормальный с ножом. Ты бы, пожалуй, с ним не справился.

– Пожалуй, – вновь согласился Сончхоль, но на этот раз не стал сдерживать улыбку. Правда, вышла та почти смущенной. Хотя уже через пару мгновений его лицо посерьезнело, а взгляд стал внимательнее. – Подождите, вы сказали... ненормальный с *ножом*?

– Да, – фыркнула я. Кулаки так и зачесались от желания вновь врезать Ханьюлю. – Не знаю, что ему было нужно. Говорю же, псих какой-то. Это, кстати, его нож. – Я приподняла руку, в которой держала свой трофей. – Сохраню пока, хотя, думаю, он мне тут не пригодится. Не против мертвых же его использовать...

Сончхоль опасливо покосился на складной нож в моей руке.

– Вообще-то... может, и пригодится. Нож ведь из стали. Это сплав железа с углеродом. А железо отпугивает духов. И даже может им навредить. Слабых вообще... развеять.

Эти слова меня почти порадовали. И тогда я задумалась, как дошла до того, что радуюсь подобным вещам.

Радуюсь, что в теории могу развеять духа... *Потрясающе.*

Но, как я сейчас припомнила, лисы вроде бы на самом деле испугались моего ножа, и это помогло нам сбежать.

– Но тот псих ножа не боялся, – задумчиво отметила я. – Странно. Почему? И откуда у него вообще нож взялся? Духи могут так просто брать предметы людей?

– Отвечу по порядку. Видимо, тот дух, о котором вы говорите, силен. Тем более раз до сих пор... сохраняет рассудок.

– Этого я не говорила, – перебила я. – Хан Ханьюль явно псих.

В темных глазах Сончхоля блеснуло веселье.

– Я о другом... но пока это не важно. Дальше... Скорее всего, этот нож был с... Хан Ханьюлем, да?.. когда тот умер. И нет, духи не могут вторгаться отсюда в мир людей. Только в редких исключениях. Большинство духов не могут ни брать предметы, ни привлекать внимание живых... Разве что очень сильные духи. Для живых такое вмешательство явно будет... весьма пугающим, – хмыкнул Сончхоль. – Летящий предмет или внезапно выключившийся свет. Есть духи, которые вырываются в мир живых и обитают в нем, но это чаще всего злые духи. *Очень опасные.* С такими никому лучше не иметь дела. Но мы их с тобой и не увидим. Те, кто попадает в мир живых, даже духи, здесь больше не видны. Вернее, видны не больше, чем тени. Точнее, это не они тени, а для нас и духов все так выглядит отсюда...

Сончхоль сбился и словно заблудился в своих же словах и объяснениях, а потому, прервавшись, чуть виновато на меня посмотрел.

– Ладно, я поняла. Примерно. Давай не все сразу, – устало вздохнула я.

Я решила больше не наседавать, ведь Сончхоль оказался тут не так давно и сам явно знал и понимал далеко не все.

– Да. Пойдемте, покажу вам, где можно достать еды, – отозвался он.

– То есть ты согласен на мое предложение?

– Разумеется! – Он широко улыбнулся, а затем, смущенный собственной реакцией, уже спокойнее добавил: – Я не могу отказать от подобного предложения.

– Вот и отлично, – подвела итог я. – Веди меня.

Сончхоль кивнул и, бросив взгляд по сторонам, направился обратно к той широкой улице, по которой мы добрались сюда. Движение стало не таким плотным, а пешеходов поубавилось, так что я предположила, что в мире... живых сейчас приближается ночь.

Сончхоль, изредка на меня оглядываясь, проверяя, следую ли я за ним. Шел он весьма уверенно, не замедляясь на развилках. Видимо, за две недели в мире духов он действительно неплохо освоился. По крайней мере, в этом районе.

– Куда именно мы идем?

– В ближайший похоронный дом, – пояснил Сончхоль. – Я... часто там бываю. Я вздрогнула. Нам действительно придется...

Такая перспектива удручала. Но я утешала себя мыслью, что подношения предназначаются духам, а я сейчас... среди них. И как сказал Сончхоль, для большинства мертвых эта еда уже не имеет никакого значения.

– Пройдем через парк, так будет быстрее, – предложил он. – Почти пришли.

Мы зашли в парк и по дорожке, вымощенной шестиугольной плиткой и обрамленной невысоким заборчиком, направились дальше. Вокруг попадались то усеянные нежными цветками вишневые деревья, то невысокие сосны, то ярко-розовые и белые шапки азалий, то беседки под изогнутыми крышами. Я шла, от скуки разглядывая парк, в котором, кажется, никогда не бывала... и вдруг вскрикнула от ужаса.

– Что такое? – Сончхоль тут же взволнованно обернулся ко мне и начал всматриваться в то направление, куда не моргая уставилась я.

– Там!

Неподалеку протянулся средних размеров пруд с выложенными камнями краями. Над ним раскинули длинные ветви несколько высоких деревьев, и на ближайшем из них... я увидела висельника.

К одной из наиболее крепких ветвей была привязана веревка, и на ней, слегка раскачиваясь, висел человек. Это был мужчина в классическом костюме, но лицо я увидеть не могла: оно было обращено в противоположную сторону.

– А-а-а, – протянул Сончхоль. Весьма спокойно. – Вы меня почти испугали, – добавил он едва ли не осуждающе.

– Да неужели! Там вообще-то тело висит!

– Ну... да-а. – Сончхоль посмотрел на меня так, словно не понимал, в чем дело.

– По-твоему, это нормально? – Я не знала, возмущаться или пугаться.

– Здесь – вполне. Я, бывает, прохожу этой дорогой... Дух все время здесь висит и молчит. Не знаю, почему никак не покинет это место. Видимо, что-то держит его так сильно, что он даже не может бродить здесь, как многие другие неупокоенные души.

– То есть люди его не видят? – настороженно уточнила я и вновь бросила быстрый взгляд на висельника.

От вида человека, медленно покачивающегося на веревке, охватывающей шею, меня замутило.

– Нет, конечно же нет. Этот мужчина здесь давно. Значит, живые его уже похоронили.

Взгляд Сончхоля, обращенный теперь в никуда, затянула пелена печали, даже тоски... но быстро исчезла. Он вновь посмотрел на меня с невозмутимостью, оттененной дружелюбным весельем.

– Пойдемте. Умираю с голода, – позвал он и зашагал дальше по дорожке.

Я, кинув еще один нервный взгляд в сторону духа самоубийцы, поспешила за Сончхолем. Я всегда считала себя высокой, но поспевать за его широким шагом оказалось сложно.

Спустя пару минут мы вышли из злополучного парка, а еще примерно через пять подошли к зданию похоронного дома.

Ни двери, ни оконных рам не было, но я не стала пока задавать новые вопросы. Не говоря ни слова, мы вошли внутрь. До самой следующей двери, вернее, дверного проема, вдоль стены коридора стояли похоронные венки с лентами, украшенными различными надписями. Я не решилась прочитать ни одну из них и следом за Сончхолем дошла до следующего помещения, где увидела ящик для жертвований и стол с книгой, в которой друг под другом разными почерками были выведены имена.

Помедлив, я сняла обувь, отставив ее в сторону. На всякий случай. Я понимала, вернее, догадывалась, что мои кеды... никому не помешают, и все же видела и ощущала их слишком четко, чтобы оставаться на все сто процентов уверенной.

Сончхоль, бросив на меня быстрый взгляд, уловить настроение которого я не успела, тоже снял свои стоптанные кроссовки.

Мы прошли дальше и наконец оказались в зале с алтарем. Я увидела одетую в черный ханбок женщину без лица, но, к моему невольному счастью, она почти сразу вышла в соседний зал, в котором я, проходя мимо, мельком заметила двух сидящих за низким столом мужчин в черных траурных костюмах.

На этот раз отсутствие живых наполнило меня облегчением не только из-за страха перед ними, не только из-за странного отвращения перед их голыми лицами, но и... просто не хотелось забирать еду с алтаря при ком-то. Пусть даже этого никто и не сможет увидеть.

Осторожно пройдя дальше, я увидела сам алтарь, украшенный белоснежным облаком хризантем. Среди них едва ли не тонуло фото в широкой темной раме с черными лентами, пересекающими два верхних угла, а также стояла именная табличка. Но я поспешно отвела взгляд как от фото, так и от имени. На алтаре стояли свечи, благовония и выстроенные в определенном порядке угощения.

– Эту еду духи брать могут, – проговорил Сончхоль, понизив голос.

– Но... если мы ее возьмем, как это будет выглядеть для живых? – тоже перейдя на шепот, уточнила я.

– Никак. – Сончхоль взял с одной из ближайших тарелок крупное яблоко. Его точная копия осталась лежать вместе с другими. – Теперь попробуйте взять это яблоко. Но именно это.

Я, с подозрением покосившись на Сончхоля, все же сделала еще шаг ближе к алтарю и протянула руку к нужному яблоку... но мои пальцы прошли сквозь него словно через голограмму. Поразительно убедительную.

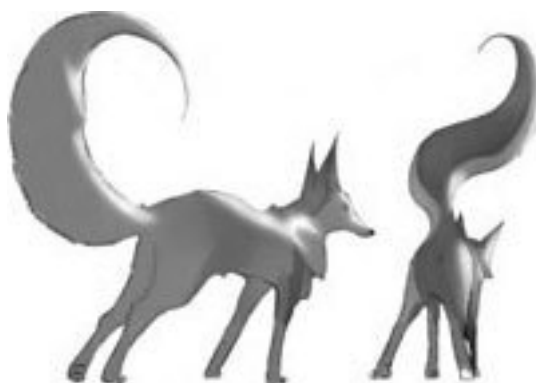
– Какой кошмар. – От этого зрелища меня замутило, но, не сдержавшись, я вновь провела пальцами *сквозь* яблоко. – Холь. – Я еще раз не-прикоснулась к фрукту. – Ужас.

– Ешьте и пойдем отсюда. Не люблю задерживаться в подобных местах. У меня аллергия на смерть, – пробормотал Сончхоль.

Я кинула на него быстрый взгляд, но говорить что-либо еще не стала. Мы провели в зале не больше десяти минут, во время которых я поспешно съела рис, пару закусок и яблоко. Покосившись на Сончхоля, я поняла, что он действительно очень голоден. Он съел едва ли не все остальное, что стояло на алтаре. По его внешнему виду становилось ясно, что он серьезно недоедает. Видимо, последние две недели в этом жутковатом месте дались ему крайне тяжело.

Хотя стоило этой мысли мелькнуть в голове, как за ней потянулась другая: если это мир духов, можем ли мы здесь меняться? Толстеть и худеть, расти, стареть?.. Я, конечно, жива, упрямо напомнила себе я, но все же...

Развить мысль я не успела.

Глава 6

Самый обычный кошмар

Хван Йерим

В зал ворвалось какое-то существо, и я, с трудом сдержав крик, дернулась назад, едва не снеся стоявшую на краю стола крупную свечу. Сончхоль тут же повернулся ко мне, но затем обратил пристальное внимание на духа.

Никак иначе охарактеризовать его я не смогла. Он не был безликим, но и живым среди мертвых, как мы с Сончхолем, без сомнений, тоже.

Он был похож на скелет, обтянутый посеревшей кожей. Длинные спутанные волосы спадали на осунувшееся лицо, с которого на нас смотрели два круглых глаза, словно бы выполненные из черного стекла.

Существо издало слабый стон – стон, полный такого тихого отчаяния и боли, что меня пробрало до костей одновременно от страха и сочувствия.

Прошло не больше доли мгновения, и существо кинулось к алтарю, набросившись на подношения. Я успела испугаться, что он снесет стол и разметает цветы, но все, к чему бы ни прикасался дух, оставалось нетронутым. Кроме еды. Хотя и ее, осязаемой для духов, из-за нас с Сончхолем почти не осталось. Дух в отчаянии цеплялся пальцами за призрачные мандарины и сухофрукты. Найдя последнюю тарелку с рисом, он начал запихивать его в рот руками и, еще даже не дожевав, вгрызся в последнее яблоко.

Сончхоль, по дуге обойдя алтарь, приблизился ко мне и за запястье потянул к выходу.

– Пойдемте... – шепнул он.

Я сумела лишь кивнуть, с болью смотря на того, кто, как я почти не сомневалась, был агви²⁵.

Мы поспешно обулись и выбежали на улицу.

– Тот агви... он опасен?

Мой голос подрагивал, но страх в сердце уже погас, оставив лишь тлеющие угли сожаления. Я содрогалась от одной только мысли об участи того человека. Не хотелось даже представлять себя на его месте.

– Ты так быстро ушел. Нет, я знаю, что эти духи опасны, но для людей. Ну, мы тоже люди, но сейчас как бы в мире духов...

²⁵ Агви (##) – дух человека, после смерти страдающего от неутолимого голода и жажды в наказание за прижизненные грехи.

– Я понял, – натянуто улыбнулся Сончхоль. – Мне просто показалось, что вы испугались. А еще... да, для нас подобные духи не представляют такой угрозы как для живых... в мире живых. Но вот привязаться к нам этот агви мог.

– А-а... – понимающе протянула я. – Понятно. Нам бы пришлось все время искать ему еду.

– Именно. В какой-то степени жаль эту душу, но перспектива вечно пытаться утолить его неутолимый голод меня не прельщает.

Его голос вновь прозвучал как-то глухо.

– Эй, Сончхоль-а, не унывай! – Я слегка толкнула его в плечо. – Прорвемся. Я же говорила, что буду тебя защищать, так что не бойся. Особенно за меня. И особенно из-за какого-то агви.

Сончхоль как-то странно на меня посмотрел, и я непонимающе приподняла брови. Но не успела что-либо сказать, как на его лице вновь затеплилось легкое веселье.

– Ничего себе, госпожа Хван. Вы не просто смелая, но и такая отзывчивая.

– Отзывчивая? – нарочито удивилась я. – Не обольщайся, просто ты мне нужен. Как гид. Сончхоль коротко рассмеялся:

– Я явно не лучший кандидат на эту должность.

– В любом случае единственный, – заметила я. – Хан Ханьль, к примеру, готов был проводить меня разве что на тот свет.

Я фыркнула, вспомнив этого психа.

– Выберемся отсюда вместе. И тогда надо будет обязательно встретиться! – продолжила я, выбросив злящие меня мысли о том ненормальном, словно мусор. – Ты где живешь?... Кстати! – воскликнула я, даже не дав Сончхолю возможности ответить. – Мне надо найти мой дом! Проверить его! И маму...

Сончхоль заметно напрягся.

– Давайте повременим с этим... – протянул он и огляделся по сторонам. – В этом месте со временем проблемы, но по некоторым признакам все же можно понять хотя бы время суток. Вы наверняка и сами заметили, что уже если и не ночь, то поздний вечер.

– Да. И? – Я посмотрела на Сончхоля в ожидании объяснений.

– Ночью куда опаснее. Гораздо больше лис, да и духи выбираются из укрытий. Кто-то пострашнее агви или сон-гакси... Так что лучше дождаться утра.

– То есть в этом мире, где вечно темно и две луны, *ночь* делится на ночь и день? – скептически поинтересовалась я.

– Как бы то ни было, в то время, когда ночь в мире живых, опаснее становится и здесь.

– Ясно... – вздохнула я. – Тогда надо найти, где переночевать. Сомневаюсь, что здесь есть отель для призраков.

– Странно прозвучит, особенно в первые часы знакомства, но можете переночевать у меня, – явно пытаюсь подавить улыбку, предложил Сончхоль.

Я смерила его снисходительным взглядом:

– Шутить пытаешься? Или смутить меня?

– Не думаю, что второе у меня бы получилось.

– Первое тоже, – заявила я. – Переночевать у тебя? То есть ты живешь где-то поблизости?

– Да. Я же сказал, что часто бываю в этом зале прощания. Как раз потому, что нашел себе жилье неподалеку.

– Отлично! Тогда веди, – кивнула я.

Сончхоль с готовностью указал в нужную сторону, и мы быстрым шагом направились дальше.

Возможно, то была сила самовнушения... или же паранойя... но мне показалось, что на улицах действительно стало мрачнее, что атмосфера стала более гнетущей, полупрозрачным

черным дымом клубясь в посеребренном луной воздухе. Словно из-за углов и сквозь черно-желтые дыры окон за мной кто-то наблюдает, быстро прячась, стоит только повернуть голову. Что кто-то дышит в затылок, и лучше идти, не оборачиваясь... если не хочешь увидеть что-то лишнее.

Нужный дом действительно оказался близко: по моим ощущениям мы не прошли и двух километров. Правда, больше половины пути нам пришлось то и дело подниматься в гору по длинным цепочкам ступеней.

Нависающие друг над другом и жмущиеся друг к другу дома, череду которых то и дело прерывали уходящие то вверх, то вниз узкие темные переулки, сеть проводов над головой, идущий волнами асфальт, а где-то лишь потрескавшийся бетон, совсем уж редкие фонари – всем этим район очень напоминал мне тот, в котором жила я. Правда, в моем лестницы не были настолько высокими и крутыми...

Интересно, призраки чувствуют усталость? Потому что я просто валилась с ног.

Сончхоль остановился и, кивнув в сторону нужного дома, вошел через приоткрытую калитку, после чего поднялся на расположенную перед входом в квартиру небольшую площадку второго этажа. Двери ожидаемо не было, и Сончхоль бесшумно скользнул в темную квартиру.

Я осторожно прошла следом, тут же оказавшись в крошечной комнате с диваном, столиком перед ним, парой забитых вещами узких стеллажей и старым телевизором. В стенах темнели дверные проемы, и лишь в одном тускло горел свет лампы. Заглянув в ту комнату, я резко подалась назад, из-за чего запнулась и едва не упала. Сончхоль подхватил меня под локти, но сразу отпустил, стоило мне восстановить равновесие.

– Так в этом твоём убежище кто-то живет? – невольно перейдя на шепот – *недовольный шепот*, спросила я.

– Справедливости ради, это не в моем убежище кто-то живет, а я устроил себе убежище в чужой квартире, – поправил меня Сончхоль. – Пойдемте в ту комнату.

Я бросила еще один взгляд туда, где на расстеленном на полу тонком матрасе лежал мужчина без лица, и поспешила следом за Сончхолем.

Во второй комнате никого не оказалось – *к счастью*. Здесь стояли небольшой диван, шкаф, пара полупустых навесных полок и парта, на которой идеально ровными стопками были разложены тетради, учебники и канцелярские принадлежности. Единственное, что выбивалось из общей картины строгого порядка, – перевернутая вниз изображением рамка для фото на столе.

– Можете не переживать, – заговорил Сончхоль, неловко замерев посреди комнаты. – Тот человек сюда не заходит. И здесь никого не бывает.

– Какое облегчение, – пробормотала я.

Подойдя к столу, я прикоснулась к учебнику по математике... и едва не подпрыгнула на месте, когда мои пальцы скользнули сквозь твердую обложку и чуть потрепанные страницы.

– Ничего себе... – выдохнула я. – К такому я не скоро привыкну. Хотя в любом случае не собираюсь привыкать! – добавила я таким тоном, словно меня возмутили собственные слова.

Теперь я толкнула придвинутый к парте стул... но тот остался стоять как ни в чем не бывало.

– Эх, это и стремно, и прикольно одновременно, – заключила я и протянула руку к упавшей фотографии. Почему-то мне очень захотелось поднять ее и восстановить идеальный порядок на парте. Хотя теперь я понимала, что не сумею. – А почему он сюда не заходит?

– Это комната его младшей сестры. Она училась в средней школе, но погибла. Ее сбила машина.

Я дернулась назад. Мне стало не по себе. Не просто не по себе... одновременно горько, неловко и жутко.

Я понимала желание Сончхольа найти место, где можно пережить ночь и просто вынужденно пожить. Более того, такое место, куда не будут заглядывать безликие... Но при этом...

Мы занимаем комнату погибшей девушки? Причем в доме ее старшего брата, судя по словам Сончхольа, не пережившего в полной мере эту трагедию...

– Ты серьезно? – едва ли не простонала я.

– А что мне было делать? – Сончхоль, скрестив руки на груди, посмотрел в сторону. – Не жить же на улице, рискуя стать ужином для кровожадных лис... Или жертвой какого-нибудь не менее кровожадного духа... Выбирать особо не приходилось.

– Но почему ты не живешь в своей квартире?

– Я не из Сеула, – хмуро ответил Сончхоль. – Я приехал из Пхёнхэка²⁶ месяца три назад, чтобы найти работу, жил в косивоне. А за день до того, как должен был съехать оттуда, оказался здесь... Поэтому уверен, что комната, которую я снимал, уже занята. А делить такую маленькую комнату с кем-то живым... Что ж, желания у меня не возникло, и я решил найти что-то вроде... этого.

Сончхоль окинул взглядом свободную от жильцов спальню.

– Ясно... Понимаю, ситуация не из приятных, хорошо, что ты хоть что-то нашел... Сейчас ночь, но завтра, может, все-таки переберемся еще куда-то? – предложила я. – Есть же вариант остаться в нежилом помещении? В магазине, к примеру, или...

– Там могут объявиться лисы, – перебил меня Сончхоль. – Они держатся на расстоянии от живых и в их дома и квартиры почти не заходят. Но в остальных местах...

И голос, и черты лица Сончхольа словно подернулись льдом, и я почувствовала себя неловко.

– Эй, Сончхоль-а, не обижайся... – протянула я. – Я поняла. Просто не знаю местных... правил. И все еще остро реагирую на все связанное со смертью.

– Вы в мире духов. Привыкайте, – невесело хмыкнул он. – Пока нечто «связанное со смертью» постоянно будет нас окружать. Главное, чтобы мы не стали его частью.

– Пора вводить лимит на разговоры о моей смерти. Без разницы, якобы случившейся или потенциальной, – нервно усмехнулась я.

– Давайте ложиться спать, – предложил Сончхоль. Он улыбнулся, ставя точку в напряженном разговоре, и атмосфера в комнате сразу стала легче.

– Да, я уже засыпаю на ходу. Но... тут маловато места для нас двоих, – заметила я.

Сончхоль смущенно кашлянул:

– Вы про диван? Вы все равно не сможете им воспользоваться...

– Но... – начала я. – Проклятье.

Получается, раз я не могу влиять на мир живых... Я даже не могу сесть на диван?!

То есть единственный вариант, который остается... спать на холодном полу.

– Ложитесь здесь, – предложил Сончхоль, кивая на тонкий матрас. – Так будет теплее. Сами же сказали, что мерзнете.

– Ты тоже мерзнешь, – заметила я.

– Да. Но вы спасли мне жизнь. Думаю, такой моей жертвы как раз будет достаточно, чтобы расплатиться. Поэтому не отказывайтесь. Не люблю быть перед кем-то в долгу.

– Уже не терпится от меня отвязаться? – хмыкнула я, устало опустившись на матрас.

– Что вы, – отмахнулся Сончхоль, сев на пол и скрестив ноги. – Это вы теперь от меня не отвязаетесь.

– Ну да. – Я окинула его нарочито изучающим взглядом, так что Сончхоль все с той же веселой улыбкой выпрямил спину и расправил плечи. – И как ты так долго здесь продержался?

²⁶ Пхёнхэк (###) – город в Южной Корее (провинция Кёнги), известный американской базой военно-морских сил, портом и развитой промышленностью. Важный транспортный узел с доступом к КТХ (Корейская высокоскоростная железная дорога).

– Вы меня недооцениваете, – усмехнулся он и откинулся немного назад, уперевшись руками в пол за своей спиной. – Кстати, может, расскажете немного о себе?

– С чего бы это?

– Нужно же нам понять, почему вы могли здесь оказаться, – склонив голову к плечу, пояснил Сончхоль.

– Информация обо мне тебе в этом точно ничем не поможет, – фыркнула я и легла на спину. – Так неудобно... Как ты тут спишь?

– Выбирать не приходится, – пожав плечами, повторил он и тоже лег, положив одну руку под голову. – Прошу прощения за неудобства, госпожа Хван.

– Так уж и быть, прощу. – Я не стала игнорировать легкую издевку в его голосе. – Но хватит так формально со мной общаться.

– Вы старше, – напомнил Сончхоль.

– Мы с тобой уже вроде как союзники, даже вместе сбежали от смерти. Пожалуй, это быстро сближает.

– Тогда, если вы не против, буду называть вас нуной?

– Не против, – улыбнулась я.

– Значит, договорились, нуна.

– Ты уверен, что лисы сюда не заберутся? – спустя пару минут молчания спросила я.

– Не должны, – помедлив, ответил Сончхоль.

Я повернулась на бок и вцепилась в него сердитым взглядом.

– Эта пауза мне не понравилась.

– Уж прости, – закатил глаза Сончхоль и теперь уже сам отвернулся. – Постарайся уснуть.

Сколько я тут живу, ничего не происходило. Не бойся.

Я громко фыркнула:

– Я и не боюсь.

Хотя на самом деле солгала.

Страх не покидал меня с того самого момента, как я открыла глаза в жутком подвале. Тогда я еще даже не поняла, что произошло, но страх уже начал тлеть в моей душе. Затем же он разгорелся до яркого пламени, которое трещало угрозами и медленно отравляло удушливым дымом.

Хотя болтовня с Нахи, несмотря на всю абсурдность ее слов, и встреча с Сончхолем несколько сбавили градус. Да и я пыталась погасить страх решимостью, но этого все же не хватало.

Невольно я скользнула рукой в карман ветровки, сжав лежавший в нем пуджок в слабой попытке приободриться. Этот оберег от злых сил, деревянный, с выжженными на нем защитными знаками, верхнюю часть которого оплетали пять нитей – по одной на каждый цвет обансэка²⁷, – я получила от ученицы одной шаманки, но тогда даже не представляла, в какой потусторонней опасности могу оказаться... Надеюсь, в случае чего пуджок действительно сработает.

Я перевернулась на другой бок, поджав ноги и обняв себя руками в тщетных попытках согреться. Проклятый холод... В доме стало лучше, так что я не боялась, что во сне заледенею насмерть и проснусь уже на самом деле духом, но все никак не могла отогреться.

Казалось, ледяное дыхание смерти пропитало весь этот мир...

Я разозлилась на саму себя: о чем только думаю!

²⁷ Обансэк (###) – традиционная корейская цветовая гамма, состоящая из белого, зеленого/черного, синего, красного и желтого; эти цвета символизируют пять сторон света в соответствии с принципами инь-ян (запад, север, восток, юг и центр соответственно).

Сончхоль прав, мне надо постараться уснуть. Я слишком измотана и физически, и морально, чтобы здраво мыслить. Надо набраться сил, и тогда мне будет проще противостоять прилипчивому страху и отыскать выход.

А я не сомневалась, не позволяла себе сомневаться, что он есть. Если имеется вход, должен быть и выход. Обратной дороги нет только для мертвых, но мне еще рано причислять себя к ним. Значит, выберусь. И помогу Сончхолю. С этими мыслями, неприятно щекочущими смесью из надежды и тревоги, я постепенно сдалась перед зыбучими песками сна.

* * *

Я медленно поднималась по лестнице, проводя рукой по перилам, добралась до третьего этажа и пошла дальше по балкону-коридору, мимо череды дверей в те квартиры, что меня не интересовали. Остановившись напротив нужной, я склонила голову, оглядела дверь сверху вниз через черные стекла солнцезащитных очков и тогда, улыбнувшись, постучала. Сначала негромко, но когда спустя несколько секунд никто не отозвался, постучала уже громче, а потом несколько раз с силой ударила кулаком.

– Эй! – раздался из-за двери возмущенный мужской голос. – Кто там ломится?

– Впустите меня, детектив, – мягко попросила я, не прекращая улыбаться.

– Кто там? – Голос детектива был все таким же раздраженным.

– Нужно поговорить.

– Не знаю, кто ты, но уходи! – грубо бросил детектив, так и не открыв дверь. – У меня много дел.

Я скривила губы и прищурилась. *Проклятая дверь.*

– Это насчет убийств, – вкрадчиво пояснила я.

– Если ты журналистка – убирайся. Если свидетельница – иди в участок. – После этих слов я расслышала удаляющиеся шаги и хмыкнула.

Детектив явно на взводе из-за оказываемого на него давления. И опасается как любопытных зевак, так и тех, кто может попытаться его подкупить или каким-то образом скомпрометировать.

Но я не дам прогнать себя. Пусть даже не думает так просто от меня избавиться.

Тем временем на стене рядом с дверью и на самой двери в квартиру появилось пятно зелено-черной плесени, начав медленно расползаться в разные стороны.

– Если не откроешь дверь, в следующие три дня твоя дочь сломает себе обе руки и не сможет участвовать в соревнованиях по стрельбе, – все так же мягко, но уже чуть громче заговорила я. Знала, что мой голос в любом случае достигнет его ушей, вопьется в голову. – Она так расстроится, что покончит с собой. Хочешь, расскажу, что сделает твоя дочь? Спрыгнет со школьной крыши. Прямо как когда-то давно сделала твоя старшая сестра, Чха Минджи.

Дверь распахнулась, и на пороге появился детектив. Его лицо было искривлено от гнева, но в глазах плескались страх и боль.

– Откуда ты... Что тебе нужно? – Его голос был пропитан злобой и презрением, но я лишь улыбнулась шире. И, опустив темные очки на кончик носа, посмотрела ему прямо в глаза.

Детектив вздрогнул и вскинул брови, но не отвел взгляд.

Не смог.

Вернув очки на место, я протянула ему белую ленту и приказала:

– Убей себя.

Детектив побледнел. Его губы задвигались: он пытался что-то сказать, но не смог, и все же, послушно вытянув руку, взял ленту. Трясаясь от ужаса, он сделал три медленных шага назад, а затем обвязал лентой горло и, заведя руки за голову, изо всех сил стянул ее. И тогда зелено-

черные пятна плесени, словно множество глаз любопытствующего монстра, появились на стенах в коридоре его квартиры.

Я улыбалась, наблюдая, как начала синеть кожа детектива, как черты его лица искривились от боли, как его глаза окрасились в оттенки ужаса. Детектив упал на колени, хрипя и отчаянно хватая ртом воздух, но продолжал стягивать горло белоснежной лентой. Я не отрываясь смотрела, как он задыхается, пока его тело с глухим шумом не повалилось на пол.

Его мертвое тело.

Я рассмеялась, запрокинув голову...

А после проснулась.

Я рывком села и схватилась за горло, проверяя, что на нем нет ленты, которая вот-вот стянется, чтобы перекрыть кислород. Зубы стучали, но не от холода вокруг, а от растекающегося внутри ледяного испуга. Я обняла себя за плечи, словно таким образом могла остановить дрожь. Носа коснулся горько-сладкий аромат цитруса, но я не поняла, откуда он взялся.

Прикрыв глаза, я постаралась выровнять дыхание. Это всего лишь сон. Всего лишь сон. Проклятье, это просто очередной кошмар. Я ведь даже не слышала ни барабанов, ни гонга... ни чьего-то монотонного пения... Увидела самый обычный кошмар, что неудивительно после всего пережитого: страх, смерть и боль преследовали меня с вечера похищения.

Я поморщилась и вновь легла на спину. Повернула голову, чтобы убедиться, что не разбудила Сончхоля, и увидела, как он сидит, глядя прямо на меня.

– Да чтоб тебя! – вскрикнула я и вновь подскочила. – Ты чего так пугаешь?

Я возмущенно уставилась на Сончхоля, приложив руку к груди и чувствуя, как бешено колотится сердце. Ну нельзя же так!

Сончхоль растерянно приподнял брови и несколько раз моргнул. Он, видимо, не понял, чем так напугал меня, но виновато поджал плечи.

– Прости. Я... не хотел тебя напугать. Просто ты закричала и разбудила меня.

Если смотреть с такой стороны, виновата я. И правда, закричала, подскочила, схватилась за горло, а потом удивляюсь, что Сончхоль проснулся и смотрит на меня.

– Не извиняйся. Это ты прости, что разбудила. Кошмар приснился.

– Раз видишь сны, значит, живая.

В его мягкой улыбке промелькнула добрая насмешка, и я не сдержала ответной улыбки. Сончхоль явно понял, как меня можно утешить, и после этих его слов страх окончательно рассеялся.

– Знаешь, ты нравишься мне все больше, – заявила я.

Сончхоль коротко рассмеялся и покачал головой, но вдруг, внимательно посмотрев на меня, неуверенно протянул:

– Тебе приснился кошмар... Что ты видела?

Я вздохнула. Желания отвечать не было, но и игнорировать Сончхоля – тоже.

– Да странное что-то... Словно я кого-то убила. – Я нарочито небрежно пожала плечами, но нервно сцепленные пальцы и подрагивающий голос выдавали меня с головой.

Сончхоль нахмурился и ничего не ответил. Видя, как он помрачнел, я решила разрядить обстановку:

– Это ерунда, не меня же убили.

Он изогнул брови:

– Надо же... Ты начала шутишь про свою смерть, нуна. Это хороший знак.

– Э, – предостерегающе окликнула его я. – Не напрашивайся.

– А иначе я тебе разонравлюсь? Ты уже пообещала меня защищать, так что не угрожай. И все-таки мне не хочется терять твое расположение, поэтому впредь я буду думать над своими словами, – серьезно заверил он.

Я фыркнула от смеха и кашлянула, попытавшись его скрыть. Сончхоль, заметив это, довольно усмехнулся, а затем улегся обратно на пол, заложив руку за голову и уставившись в потолок. Скосив на меня глаза, он сказал:

– Раз ты живая, ложись спать. Нужно отдохнуть, нас ждет много работы... Мы должны вернуться отсюда.

Я кивнула. Сончхоль прав, но теперь мне казалось, что я не усну... Я хотела спать, но не хотела засыпать. В глаза словно насыпали песка, но стоило вспомнить о кошмаре, как в ушах раздавался мой безумный смех и хрипы того мужчины. Образы уже начали ускользать, размываться, терять краски, но эти детали я помнила. Как и белую ленту – единственное четкое пятно посреди полузабытой блеклости.

– Ладно, но ты тоже спи, – велела я наигранно строго. – Ты и так слабенький, если будешь еще и сонным, что мне с тобой делать?

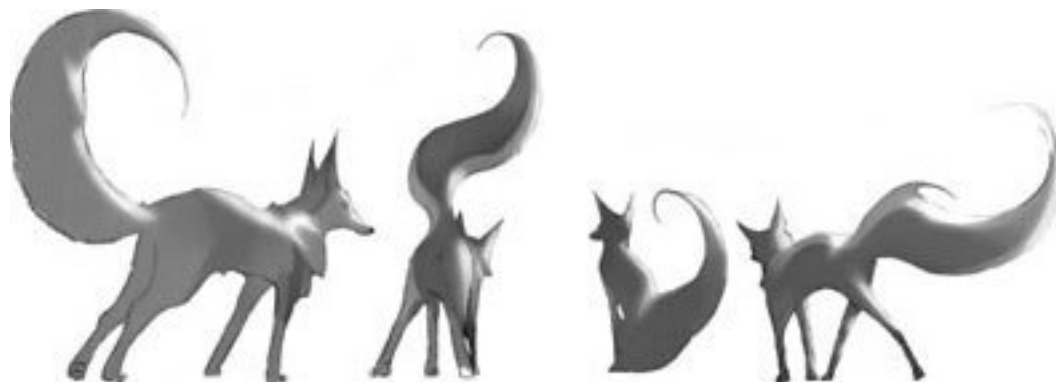
Теперь уже Сончхоль фыркнул от смеха. Но внезапно легкая атмосфера, повисшая между нами, была безжалостно разорвана лисьим лаем. Я вздрогнула и испуганно посмотрела в окно.

Где-то под ним раздались скрипучие, надрывные и визгливые звуки, злой рык и тьяканье. Невольно я вцепилась ногтями в пол и не двигалась, пока лисы не убежали дальше.

Сончхоль тоже помрачнел, пристально смотря в сторону пустого окна. Переведя взгляд на меня, заметил перемену в лице и вздохнул:

– Не думай о них. Сказал же, сюда они не проберутся.

Его голос прозвучал так уверенно, что мне стало легче. Немного. Совсем чуть-чуть. Если я все же усну, в кошмарах за мной наверняка будут гнаться эти проклятые лисы... Никогда не думала, что буду так бояться именно этих животных, но теперь мысли о них внушали ужас.

Глава 7

Злые голодные взгляды

Хван Йерим

Я не знала, во сколько проснулась во второй раз, но возникало настойчивое ощущение, что снова слишком рано. Я с трудом оторвала тяжелую голову от пола, но продолжать сон все же не хотела – лучше отправиться на поиски выхода.

Если честно, я не была уверена, что выход есть, но эту уверенность себе внушала – подбадривала себя, настраиваясь на работу. Настраиваясь на поиски, вероятно, долгие и сложные. Я не сдамся. Ни. За. Что. Тем более, как оказалось, смерть – это еще не конец. И даже если в этом мире я умру – а я все еще считала себя живой, – то стану духом и продолжу поиски, а затем вернусь в мир людей в виде духа.

Главное, выберусь. Но не сдамся. Мертвая я останусь такой же упрямой.

Так, стоп. Хватит думать о смерти.

Я огляделась, чтобы удостовериться, что все еще в мире духов. Вдруг это был лишь красочный сон? Или же бред, и я очнусь в больнице? Да уж, хорошая перспектива. А может, я действительно была в мире духов, но уже перенеслась обратно в мир людей?

И все-таки нет. Возможно, конечно, я действительно сейчас нахожусь в палате психиатрической больницы, вот только узнать это наверняка не получится. Зато я четко видела, что сижу на полу в спальне погибшей незнакомки, а за окном открывается вид на непроницаемо-черное небо и две луны. И еще мертвый холод... Я обняла себя за плечи, поморщившись. Как же он надоел. Как же я мечтала сейчас погреться на солнце... Или найти работающий обогреватель...

Но вот что – точнее, *кого* – я не увидела, так это Сончхоя.

– Сончхоль-а? – неуверенно позвала я. – Сончхоль-а!

Никто не отозвался, и, немного подумав, я покинула комнату. В этот же момент из своей спальни вышел безликий мужчина, и я с криком отскочила назад. Я и забыла о нем!

Отшатнувшись, я поскользнулась и упала, и мое сердце замерло от страха, что я сейчас разобью себе голову о стоящий за мной низкий шкаф, но... я просто упала сквозь него.

Вновь вскрикнув, я перекатилась по полу, подскочила на ноги и уставилась на шкаф во все глаза. Проклятье, это действительно ужасно. Лучше бы я ударилась.

Безликий мужчина скрылся, как я предположила, на кухне, так и не заметив меня, не услышав мои крики. Думаю, он бы и сам закричал и выбежал из квартиры, если бы вдруг услышал мой голос.

Глубоко вдохнув в попытке выровнять дыхание, я с недовольством покосилась на шкаф и вернулась в занятую нами спальню. И где Сончхоль? Пошел погулять? Бросил меня? Не могли же лисы забраться сюда, пока я спала, и съесть только его?

Я вновь поморщилась, представив такую картину. Не знаю, что менее вероятно: что лисы не тронули меня или что я не проснулась, пока рядом заживо ели человека?

– Айщ, и о чем я только думаю? – простонала я, уронив лицо в ладони.

Я решила, что еще немного подожду Сончхоля, но если он не объявится, уйду одна: терять время впустую не хотелось. Нужно добраться до дома, увидеть маму и, конечно же, начать поиски выхода...

Размышляя, как лучше подступиться к этой задаче, я прошлась по комнате, рассматривая обстановку. Хотя ходить здесь было особо негде, а рассматривать почти нечего. На одной из навесных полок я с удивлением заметила книгу о шаманизме. Я любила собирать информацию по этой теме, но дома у меня не было подходящих книг, ведь мама... мама бы устроила скандал, обнаружь такую. Однажды она даже смяла и сожгла принесенные мной из храма бумажные обереги...

Все подобное было под запретом.

Забывшись, я протянула руку, чтобы полистать книгу. Я еще не привыкла, что не могу влиять на мир живых...

А пальцы внезапно легли на корешок, и я ощутила его прохладную шероховатость.

В это же мгновение я вспомнила, что не должна была это ощутить. Что мои пальцы должны были пройти насквозь.

Но этого не случилось.

Не веря своим глазам, я сжала корешок и сняла книгу с полки. Взяла ее в руки и открыла, пролистав старые пожелтевшие страницы... Я даже не пыталась прочесть, что на них написано. Было не до того. Я просто чувствовала – чувствовала прикосновение к чему-то.

– Нуна?

Оглянувшись, я увидела Сончхоля, ошеломленно уставившегося на книгу в моих руках.

– Как ты?..

Не успел он закончить вопрос, как книга вдруг выпала из моих пальцев, вернее, провалилась *сквозь них*. Я замерла, не понимая, что случилось, а затем присела на корточки и попыталась ее поднять.

Но не смогла.

– Холь... как странно, – пробормотала я и, встав, посмотрела на Сончхоля: – У меня вдруг получилось взять книгу.

– Я заметил, – хмыкнул он. – Как? Ты просто... подняла ее?

– Ага... Может, это потому что я забыла, что не могу ни к чему прикасаться? – предположила я, но звучала такая идея сомнительно.

На лице Сончхоля я прочла откровенный скептицизм.

– Нужно будет еще раз попробовать, – пожалала я плечами. – Хотя теперь у меня будет постоянно крутиться в голове мысль, что я должна забыть, а потому я больше никогда не забуду.

Сончхоль усмехнулся и оглянулся на коридор:

– Надеюсь, тот мужчина не услышал, как книга упала.

– Да уж, если он зайдет сюда и увидит, что книга лежит на полу... Э-э, удивится. Это явно не та траектория, по которой книга могла бы упасть с полки самостоятельно, – вздохнула я.

– Да еще и книга про шаманские ритуалы, – развеселился Сончхоль. – Он из-за тебя перепугается.

Я закатила глаза, но резко опомнилась:

– Где ты был вообще?

– Я... Если честно, мне не спалось, и я решил пройтись. Заодно сходить в зал прощения и принести нам что-нибудь на завтрак.

– Идея-то хорошая, – согласилась я, – но где еда?

– Я забыл, что не могу взять ни пакет, ни сумку... – смущенно объяснил Сончхоль. – Поэтому я бы не донес сюда тарелки и миски в руках. И подумал, ты все равно не захочешь сидеть здесь. Прогуляемся до похоронного зала вместе и поедем там.

Я кашлянула, сдерживая смех, чтобы не обидеть Сончхоля:

– Понятно... Кстати, очень мило с твоей стороны.

– Ну, ты ведь спасла мне жизнь.

– А ты уступил мне матрас, – нарочито серьезно напомнила я.

Сончхоль весело фыркнул.

– Но давай действительно побыстрее уйдем, – перешла я к делу. – Я все еще хочу найти свой дом и отправиться на поиски выхода. Последнее нужно и тебе. Но сначала обсудим, как мы будем это делать...

Я села на пол, скучая по привычному его подогреву, которого в этом мире, что неудивительно, не было. Сончхоль опустил ноги напротив меня, скрестив ноги, и в задумчивости подпер подбородок ладонью.

– Хм... Вряд ли тут есть дверь в мир людей. Тут в принципе дверей нет...

– Почему, кстати? Не знаешь?

Сончхоль пожал плечами:

– Откуда я могу знать... Но духи ведь не умеют открывать окна и двери. Может, поэтому.

– Какая забота о духах, – иронично отметила я.

– Ты заметила, здесь у людей и духов еще и теней нет, – добавил Сончхоль.

– Seriously?

Тут же поднявшись на ноги, я подошла к окну, чтобы лунный свет упал на меня... и действительно не увидела собственную тень. Это выглядело удивительнее, чем можно было бы предположить, и я выглянула из окна, чтобы проверить, чтобы убедиться... Луны горели почти до ослепительного холодно, будто прожекторы над темной сценой. По улице прошлись двое безликих, нырнув прямо в серебряные лучи, и я не увидела теней.

– Ничего себе... А что еще?.. Ладно, неважно, – отмахнулась я, садясь напротив Сончхоля. – Так. Нужно думать логически. Как отсюда выбраться? Здесь все вокруг духи. Мертвые. А мы с тобой живы. Ты еще и медиум. Хм...

Логическая цепочка не складывалась.

– Ты ведь не медиум? – уточнил Сончхоль. Я качнула головой. – Может, в семье были медиумы или шаманы?

Я с сожалением вздохнула:

– Я мало что знаю о своей семье... Мама сирота, а папа ушел от нас, когда я еще была ребенком, и в последний раз я видела его лет так десять... Нет, даже двенадцать назад. Так что мама о нем не говорит, а мне и неинтересно спрашивать.

– Понятно... То есть исключать вероятность твоего родства с тем, кто обладал или обладает каким-то даром, мы не можем. Это неплохо, ведь связь должна быть, а больше ничего в голову не приходит, – признал Сончхоль.

– И мне. Тогда стоит начать с этого. С шаманизма.

– Ты имеешь в виду какой-то ритуал? – оживился он.

– Что-то вроде... Но вообще, если мы с тобой ничего не знаем, должен быть кто-то, кто знает!

– Кто-то, кто знает... – протянул Сончхоль. – Конечно! У меня не было наставника, но ведь шаманы и медиумы учатся у старших, передают друг другу знания... Должны быть какие-то записи или книги...

– Но мы не сможем их открыть, чтобы прочитать, – напомнила я. – Поэтому нам нужны не они, а человек. Точнее, дух.

Пару мгновений Сончхоль вопросительно на меня смотрел.

– Ты имеешь в виду дух шамана или медиума?

– Да! – Собственная идея зарядила меня воодушевлением. – Шаманы не бессмертны. Они тоже умирают. И вполне вероятно, что кто-то из них заточен в этом мире духов, а не упокоился... Не знаю, что там случается с теми, кто не превращается в духов, но, думаю, ты понял.

– Понял. Это... Да, это хорошая идея. Правда, мы можем потратить много времени, но иного выбора у нас нет. Потому что нет, по крайней мере пока, других идей.

– Не будь пессимистом! – цокнула я. – Идея хорошая, так что начнем работать в этом направлении. Время не проблема, мы оба еще молоды, если нужно, потратим хоть пять лет, но выберемся!

– Обнадеживает, – иронично отозвался Сончхоль.

– Да и кто знает, вдруг мы встретим всезнающую шаманку уже на соседней улице? – проигнорировав его сарказм, ободряюще добавила я. – И мы все еще можем придумать что-нибудь новое, но до этого будем двигаться хотя бы в каком-то направлении.

– Ты права, – кивнул Сончхоль. – И что бы я без тебя делал?

– Мм, вероятно, уже ничего бы. Из-за лис, – напомнила я.

– Ха-ха. – Он приподнял одну бровь. – А ты можешь быть весьма жестокой.

– Не обижайся, – отмахнулась я. – Лучше приступим к делу. Логично искать около гадальных домов. Или рядом с храмами! Их много в Чонно-гу²⁸. Еще есть гора Инван²⁹, туда тоже, особенно в храмы на ней, стоит наведаться.

– Ты права! И в квартале Муак³⁰, как я слышал, можно найти дома практикующих шаманов, – добавил Сончхоль.

Мы вышли из дома и направились вниз по улице.

– Представляю, как много времени займет бродить по всем этим местам, а я ведь еще хочу заглянуть домой... Кстати, как вариант – поискать рядом с колумбариями. Эх, вот только духи могут гулять где хотят. По крайней мере, многие. Я так предполагаю, раз тот псих и Ён Нахи, еще один встреченный мной дух, ходили свободно. Да и других я видела... Айц! – вскрикнула я. – Ее, например!

Сончхоль тут же посмотрел в ту сторону, куда уставилась я. Чуть ниже по лестнице поднималась молодая девушка, одетая в розово-белый ханбок. Вот только... Половина ее лица и тела были обожжены, нет, хуже, они сгорели до черноты, до слезшей кожи, обуглившихся мышц и местами оголившихся костей. У девушки не было глаза, а волосы с одной из сторон сгорели. Нежный ханбок был испорчен, прожженная ткань ошметками прилипла к обугленной коже, а более-менее уцелевшая половина была испачкана в саже и крови.

– Что с ней? – севшим голосом спросила я, а когда незнакомка сделала еще несколько шагов, приближаясь к нам, отвернулась.

²⁸ Чонно-гу (###) – один из северных районов Сеула, где расположены многие из самых важных и древних буддийских храмов города.

²⁹ Инвансан (###) – гора в центре Сеула, известная как одно из самых сакральных мест корейского шаманизма.

³⁰ Муактон (###) – квартал в районе Чонно, расположенный на западных склонах горы Инван. Известен как «шаманский квартал» Сеула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.